

АЛЕКСЕЙ КАЛИНИН

16+

ЗОЛУШКА В КЕДАХ

Алексей Калинин
Золушка в кедах

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Калинин А.

Золушка в кедах / А. Калинин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

А я чего? Я ничего! Другие вон чего, и им ничего, а меня сразу прокляли... Шла себе в колледж и нарвалась на проклятие... Вроде бы ничего необычного, такое сплошь и рядом. Однако теперь меня будут всю жизнь преследовать неудачи, а разговаривать смогу лишь на жаргоне. Эту напасть развеет только поцелуй любви. Но что делать, если тот, кто должен поцеловать, сам проклят и никогда не сможет полюбить? Придется отправиться в неведомые дали, чтобы исправить ошибки прошлого.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Калинин

Золушка в кедах

Глава 1

«Успех – это умение двигаться от неудачи к неудаче, не теряя энтузиазма»

Уинстон Черчилль

Если вы не знаете, что такое неудача, то спросите об этом меня, Олесю Смельцову. Да-да, подойдите и вот прямо так, внаглую, с широкой улыбкой на лице, спросите.

И когда вы это сделаете, то увидите, как изменится моё лицо. Хрупкая черноволосая и голубоглазая девушка испуганно взглянет на вас и поспешит отойти прочь.

Просто так.

На всякий случай.

И всё потому, что в тот злополучный день я имела несчастье обидеть колдунью. Но и это было всего лишь полбеды. А другая половина беды состояла в том, что я влюбилась... Хотя в тот миг ещё не понимала этого.

То неудачливое утро было солнечным, улицы многолюдными, а голуби чересчур активными. Птицы носились хлопающими метеорами над головами людей и изредка радовали «счастливчиков» приметам о скором повышении финансового благополучия.

Вот в такое чудесное утро я не стала никого будить, орать и играть на барабане, а лишь тихонько оделась в привычную черную юбку, белую блузку и чуть подвела брови. Последний штрих в виде черной сумочки повис на плече, и всё – я готова выплыть на улицу.

Думала ли я о том, что в скором времени окунусь в волшебный мир, где сказочные существа живут наравне с обычными людьми?

Вы часто об этом думаете?

Вот и я всего лишь представляла себе, что скоро сделаю прическу, сдам последний экзамен и умчусь наслаждаться морем, пляжем и "олл инклюзивом". О мачехе и сестрах старалась не думать вовсе.

Сегодня мне казалось всё таким добрым и хорошим, даже засиженная лавочка во дворе, даже шелестящий листьями старый клён, даже ленивый кот Васька, который коротко мявкнул мне в след. То ли пожелал удачи, то ли по своему обыкновению послал куда подальше.

Скоро начнется последний экзамен по стилистике, и я уже выбрала женскую прическу, какую буду создавать на добровольной помощнице. Марина была из числа тех, кому не нравится платить за парикмахерские услуги, а выглядеть красивой очень хочется. Поэтому она и ошивалась возле нашего учебного заведения. Осталось только добраться до колледжа и воплотить задуманное. А дальше...

Папа уже обещал, что мы поедem на Кипр, где море, солнце, пляж и куча загорелых мальчишек. Обещал поехать туда вдвоем, так как моя мачеха, Лариса Михайловна, с дочерьми Светочкой и Людмилочкой вместо «отдыха для бедных» решили рвануть в Дубаи.

Мама умерла, когда мне было два года от роду, поэтому воспоминаний о ней почти не осталось. Лишь иногда в памяти вспыхивали светлые блики улыбки, и казалось, что щеки касаются теплая ладошка.

Лариса Михайловна сразу дала падчерице понять, что злыми мачехи бывают не только в сказках. Проработав десяток лет главным бухгалтером в крупном государственном учреждении, она спокойно могла съесть ежика против шерсти, а уж от ядовитой улыбки вяли даже фикусы. Увы, единственной страстью для Ларисы Михайловны были её дочери. Для них она и

«Майбах» на ходу остановит и в горящий «Emirates Palace» войдет. Муж и падчерица являлись дополнением к социальному статусу.

Сводные сестры тоже не упускали случая уколоть меня и сделать какую-нибудь гадость. В общем, жила как в змеином гнезде – отовсюду шипели и норовили укусить.

Я же считала себя довольно доброй и вежливой девочкой, а то, что уронила «нечаянно» зубную щетку Людмилы в сливное отверстие ванны... Это маленькая месть за вчерашние издевки во время ужина, когда отца не было дома, а мачеха только подливала масла в огонь.

Однако, я не отчаивалась. Ещё один годик учебы и я буду свободна – свалю от вечных подколок пафосных сестричек на съемную квартиру и начну устраивать свою жизнь без жадных глаз, которые считали куски во рту.

А может, пойду учиться в Академию парикмахерского искусства...

Кто знает, как судьба распорядится?

И вдруг познакомлюсь там с иконой стиля – Анатолием Костюмовым?

Говорят, что это единственный парикмахер, у которого до сих пор не было любовных отношений с мужчинами. И он до сих пор холост, хотя женщины стаями выются возле его парикмахерского кресла, а на прием записываются чуть ли не за полгода. Всё может быть.

Пока же я иду по улице Крупешина и даже не подозреваю о том, что в этот миг капризная Фортуна решила повернуться ко мне огромной и жирной... спиной.

Если бы вы чуть раньше спросили меня: «Что такое неудача?», то я бы ответила: «Какие глупости, это даже дети знают – это когда всё идет не так хорошо, как хотелось бы!» Но вот сейчас мое представление должно поменяться, а причина такого резкого изменения стояла и кормила голубей, которые десятками слетались на брошенные семечки.

Молодой высокий парень с костром на голове щедро отсыпал из пакета черные зачатки подсолнуха и шурился на небо. Кожаная куртка небрежно накинута на плечи, светлая майка подчеркивала поджарую фигуру, а на джинсах не было живого места от дыр.

Оказалось, что это вовсе не костер полыхал на его голове, а в медно-рыжих волосах запутались солнечные зайчики и никак не могли выбраться наружу. Поэты бы сказали, что в глазах кормильца голубей плещется лазурное море. Моя более прозаическая натура выдала аллегорию, что в радужной оболочке отражаются волосы Мальвины из сказки о «Золотом ключике».

Вот рыжеволосый парень ещё раз взмахнул рукой. Очередная горсть семечек осыпала сизое месиво, состоящее из крыльев, хвостов, клювов и блестящих бусинок глаз. Увы, подкармливая братьев наших меньших, молодой человек не заметил прохожего, и его рука случайно коснулась груди крупного мужчины.

Прохожий дернулся в сторону.

Голуби в этот момент испуганно взлетели вверх, подняв тучу пыли.

– Пардоньте, уважаемый, не заметил, – улыбнулся молодой человек так, как будто хмурый незнакомец только что подарил ему чек на сто миллионов рублей.

– Внимательнее нужно быть, не один на улице, – буркнул мужчина и пошел дальше.

Я оказалась свидетельницей этой сцены. Вроде бы ничего необычного, вот только парень посмотрел на меня с хитрым прищуром, как дедушка Ленин с картинки старого школьного учебника. А после ещё и подмигнул. Но не только он один – ко мне повернулись все голуби и тоже подмигнули.

Правыми глазками.

Вздвигнув, я поспешила прочь. Не хватало ещё галлюцинаций словить от переутомления. Хотя парень мне понравился и даже сердечко чуть-чуть застучало сильнее...

Вот и розово-красное четырехэтажное здание колледжа показалось из-за поворота. Оно больше похоже на солдатскую казарму, но я уже привыкла к его суровому виду, сумрачным коридорам и вечным окуркам у входа. Осталось пройти мимо спортивной школы, где на поле слышны мальчишеские голоса и раздавались удары по футбольному мячу.

Навстречу шла бабушка – божий одуванчик. Судя по внешнему виду и полным ситцевым сумкам, она из тех заботливых женщин, к кому на лето приезжаешь худым, а укатываешься раздутым Колобком.

У меня не было бабушек, а мама Ларисы Михайловны мало чем отличалась от своей дочери, поэтому «нахлебница» подобных закармливаний не получала. Морщинистое лицо женщины озабоченно хмурилось, будто она вспоминала – не забыла ли купить гречку?

Тени от липовых ветвей качались на сером асфальте, легкий ветерок доносил ароматы цветущей сирени, и ничто не предвещало беды. Хотя, даже если бы передо мной возник рекламный щит с надписью: «Внимание, сейчас случится беда!» я бы не поверила – слишком хорошо было на улице и слишком приятные мысли об Анатолии Костюмове гуляли в голове. Но беде плевать на веру людей, у неё другие планы и она не спрашивает разрешения ни на что, она просто случается.

– Спасите! Насилуют! – раздался сзади истошный крик, а потом послышался торопливый топот по асфальту.

Конечно же, как и любая другая девушка, я тут же повернулась посмотреть – кого же это там насилуют?

Да ещё и при свете дня?

Может, тоже пора покричать?

Оказалось, что дикие крики издавал рыжий парень, который несся на меня страусиными прыжками. Кормилец голубей. Преследователем почему-то оказался крупный мужчина.

Это из-за того, что молодой человек задел его рукой?

«Ну, ничего себе!» – подумала я в тот миг.

Это слишком малая причина для изнасилования.

– Помогите, маньяки в городе! – вопил парень.

– Я те щас покажу маньяка! Держите его! – пытался перекричать его мужчина, тяжело топая следом.

Рыжеволосый подбежал ко мне и схватил за плечи:

– Милая, если надо мной сейчас надругаются, помни – я всегда любил борщ!

Он на миг впился в мои губы, а потом толкнул в сторону преследователя. Вот так и началась моя вторая половинка беды...

Я настолько растерялась, что не смогла отвесить пощечину хаму. А когда поняла, что лечу в воздухе, то успела только растопырить руки, чтобы схватиться хотя бы за что-нибудь.

Увы, хвататься было не за что, кроме асфальта, а в следующую секунду об меня запнулся крупный мужчина.

Ладно я, а вот как оказалась под преследователем ни в чем неповинная бабушка?

На это я не смогла бы ответить даже перед Страшным судом. Старушка в этот момент напоминала морскую звезду под бульдозером. Судя по сморщенному личику, ей явно было не до смеха.

А вот так началась моя первая половинка беды...

Я поднялась, скривилась от боли в поцарапанной коленке и увидела костерок уже на повороте улицы. Рыжеволосый послал нам всем воздушный поцелуй и скрылся за бетонным забором. Я всё ещё чувствовала на губах привкус семечек, которые жевал молодой человек, но коленка болела сильнее этого приятного ощущения.

– Вот же ко-о-озел! – оценила я порванные колготки. – Я за них половину стипендии отдала!

Грузный мужчина поднялся с распластанной бабульки, зло зыркнул на меня и помчался за легконогим парнем. Мне же представилась возможность привести престарелую женщину в порядок.

Нет, конечно же, я могла спокойно уйти и оставить старушку в таком положении, но врожденная доброта помешала это сделать. Эх, если бы я только знала, чем обернется мой самаритянский сочувствие...

Без сомнения, я подхватила ноги в руки, и помчалась бы прочь. Возможно, даже обогнала рыжеволосого. Увы, я не была прорицательницей.

– Бабушка, с вами всё в порядке? – я присела возле лежащей женщины и попыталась нащупать пульс.

– Какая я тебе бабушка, дерзкая девчонка? Мне всего-навсего семьсот сорок пять лет! Я в самом расцвете сил, – в мою руку впилась морщинистая лапка, а в лицо уставились блестящие зеленые глаза.

– Бабушка, похоже, что вы сильно головой ударились. Вы лежите пока, а я сейчас «Скорую» вызову, – я полезла в сумочку за смартфоном.

Конечно, как же ещё можно оправдать бред старушки, как не ударом седовласой головы о твердую поверхность? Семьсот сорок пять лет... Ну надо же.

Гадюка могла позавидовать тому шипению, которое издала лежащая женщина. В этом звуке слились воедино и досада спускаемой автомобильной шины, и ярость кота, который вдруг обнаружил, что за окном март, а он кастрирован, и возмущение горячего железа, когда на него попадает плевков кузнеца. Я почувствовала, что лапка бабули приобретает твердость булатной стали.

– Второй раз называешь меня бабулей. Да как так можно, грубиянка? Сначала обрушила на меня этого громилу, потом обзываешься!

– Я... Я не виновата... Меня толкнули, – потупилась я.

– Ах, толкнули? Да я ещё не совсем ослепла, чтобы не видеть, как ты поцеловала того рыжего пройдоху, а после кинулась под ноги мужчине. Молчи! Дерзкая девчонка! Если бы ты знала, кто перед тобой, то пала бы на колени и начала умолять о пощаде, как это сделал Готфрид Иоганн Георг Второй Фукс фон Дорнхейм. Но я ему припомнила все шестьсот измученных душ, которые он отправил на небо. Помоги подняться!

Я решила смолчать. Правда, я почему-то не смогла противиться властному голосу старухи и помогла подняться. Кое-как отряхнула женщину и собрала рассыпанные продукты в сумки.

– Ну что, девчонка, я готова выслушать извинения, – проговорила старуха величественным голосом.

Теперь она уже не была похожа на ту бабушку, к которой можно приехать худым, а вернуться Колобком. Сейчас она больше напоминала разъяренную фурию, ведьму, которой принесли повестку на костер. Седые волосы растрепались, и ветерок придал им вид прически Медузы Горгоны. Старушка даже ростом показалась повыше.

Она возвышалась надо мной на ладонь и недавно добрые глаза превратились в два пучка лазеров. Если бы я не была закалена в постоянной войне с сестрами и мачехой, то без сомнения белая блузка оказалась бы прожжена насквозь с двух сторон.

– Извините... – пролепетала я, ошарашенная такой переменной, но тут же опомнилась. – То есть мне не за что извиняться! Меня толкнул тот парень, а я неудачно...

– Хорошо, я давала тебе последний шанс, но ты его профукала. В таком случае заклинаю тебя черным снегом, черепашьям бегом, очками циклопа, горечью сиропа, желтизной рубина и маленьким носом армянина, будь же неудачливой до тех пор, пока не обретешь первый поцелуй любви.

При этом старушка взмахнула рукой и... И ничего не случилось. Небо не упало вниз, липы не вырвали корни из земли и не умчались прочь, даже захудалого грома не послышалось.

Тем не менее я поежилась, ведь тогда ещё не знала, как вести себя с умалишенными. А другого слова не подбиралось для этой старушки, которая застыла посреди улицы пародией

на памятник Ленину. Но где-то я слышала, что сумасшедшим нельзя противоречить – они и покусать могут. Поэтому решила немного подыграть женщине.

– Бабушка, а вы неплохо читаете рэп. Могли бы в каком-нибудь «баттле» первое место занять. Я и сама что-то припоминаю из «Касты», – я приняла позу медведя, который положил лапы на плечи человека, и зачитала речитативом. – Это прет, это сотрясает, это долбит. Это будто Вам на голову сбросили бомбу. Это бьет, прямо в цель, прямо по лбу. Это когда на концертах качаются толпы. Ёу!

– Да ты продолжаешь издеваться, девчонка! Белым углём, темным днём, холодной лавой, диктором шепелявым, сухим морем и смехом в миноре дополняю заклинание тем, что ты будешь на подобном языке разговаривать вплоть до того же поцелуя. Хотя вряд ли кто захочет целовать те губы, с которых слетает подобная погань. Пока ты ещё чего-нибудь не наговорила и не обрела хвост и копыта, подай-ка вон то укатившееся яблоко.

Я хмуро повернулась и подняла яблоко дрожащей рукой. Вот сейчас я отдам этот твердый плод и поспешу к себе в колледж. Забуду противную бабку, с которой мне довелось столкнуться.

Увы, есть люди, которые навсегда врезаются в память из-за их слов и поступков, как раз к такой категории можно отнести и исчезнувшую старушку. Да-да, у меня даже яблоко выпало из рук, когда я не обнаружила перед собой хмурое морщинистое лицо.

Я озадаченно покрутила головой. Старушки не оказалось на другой стороне улицы, и на автобусной остановке её не было. Ни сумок, ни бабки, ни дыма, в котором исчезают ниндзя и фокусники. Сумасшедшая женщина попросту испарилась, как кусочек льда под жарким солнцем Кипра.

При воспоминании о Кипре моё настроение улучшилось, хотя исчезновение бабки и выбило из колеи ещё больше, чем поцелуй рыжеволосого.

Но чего не бывает на свете?

Вот и я решила не забивать голову этим происшествием, а поспешила в техникум. Решила по пути зайти в туалет, чтобы снять порванные колготки и попутно обмыть царяпину. Пластырь я всегда носила с собой.

На всякий случай.

Если вы живете с двумя противными сводными сестрами, то случаи бывают разные.

Жаль, что моим планам не суждено сбыться – из-за поворота возник тот самый грузный мужчина, который приложил бабку об асфальт. Реки пота струились по красному лицу, подмышки голубой рубашки расцвели темными пятнами, воздух со свистом выходил из легких, как из мехов на старинной кузне. А со сдвинутыми бровями мужчина мог позировать для картины под названием «Карающий воин».

Его покрасневшие, как у андалузского быка на корриде, глаза вперились в меня. Судя по растягивающейся зловещей улыбке, он тоже принял меня за пособницу рыжеволосому. Я будто наткнулась на стеклянную стену, когда грузный мужчина направился прямым ко мне. Гнев, который читался на лице, не вызывал ни малейшего сомнения, что на сегодня лимит неудач ещё не исчерпан.

Убежать?

Вряд ли удастся – коленка болит и не даст возможности сделать хороший рывок, а скорость у мужчины хорошая. Я застыла кроликом перед надвигающимся удавом, только чуть крепче сжала ручки сумочки.

– Попалась, краля! – с этими словами мужчина прыгнул вперед и схватил мою руку. – А ну рассказывай, где твой хахаль обретается?

«Да о чем вы? Чтобы я и он были вместе? Да вы в своем уме? Отпустите, мне больно!» – именно так я и хотела сказать, но почему-то под сень раскидистых лип вырвались другие слова:

– Чо за шнягу ты прогнал, жиробас потливый? А ну сдерни в туман, чтобы тобой здесь не пахло!

Потное лицо мужчины вовсе приняло цвет кумача. Я даже успела испугаться – не хватит ли его апоплексический удар, а попросту «Кондрашка»? Только через секунду я поняла, что дерзкие слова принадлежали именно мне.

Но я же хотела сказать совсем другое!

Мужчина тяжело вздохнул, из заднего кармана джинсов достал наручники и пристегнул мою руку к своему запястью. Потом неторопливо достал удостоверение, которое цветом походило на его лицо, и раскрыл перед моими глазами.

«Майор полиции Свистов Артем Дмитриевич, инспектор ДПС» – прочитала я на корочках с фотографией мужчины в форме.

«Дяденька, отпустите меня, пожалуйста! Это какая-то ошибка!» – вот что хотела сказать я, вместо того, что сорвалось с её губ:

– Отвали, кабан шизанутый! Это всё конкретная подстава!

– А вот в отделении и выясним, подстава это или стговор, – мужчина вытянул из кармана сотовый и набрал номер. – Алло, Голицын? Я сейчас на Крупешина, задержал пособницу щипача. Кого-кого... Меня обул на бумажник. Сам ты лошара! Подскакивай к спортивной школе, и поедем оформляться.

Я с тоской посмотрела на четырехэтажное здание колледжа. Почему я не пошла другой дорогой?

Эх, если бы я знала, что злключения только начинаются, то сейчас воспринимала бы всё со снисходительной улыбкой. Но, как было сказано ранее – я не могла заглянуть в будущее.

Глава 2

«Я не против полиции, я просто боюсь её»

Альфред Хичкок

В отделениях полиции пахнет точно так же приятно, как и в вагоне поезда. Ароматы хлорки, прелого дерматина, человеческого пота и лежалого линолеума наполняли кабинеты, в которых изыскивалась правда и раскрывалась ложь.

Я до этого случая никогда не бывала в отделениях полиции. Как-то не приходилось. Повода не было. Поэтому сейчас испуганно осматривала громоздкие шкафы с подписанными папками. Неподалеку устроился железный сейф, который явно готовился подломить чахлые ножи и улечься пузом на вытертый линолеум.

Четыре стола вальяжно расположились друг напротив друга. Доисторические компьютеры гудели и попискивали, словно недовольные рыцари, которые прищипывали и приказывали столам кинуться в драку. На кислые рожи полицейских с отеческой полуулыбкой взирал со стены президент.

А за облупившейся оконной решеткой дул ветерок...

– Значит, вы сегодня впервые увидели этого молодого человека и поцеловали его тоже в первый раз? – в тысячный раз формулировал один и тот же вопрос угрюмый следователь.

– Да чо ты мне по новой рисуешь, фраер? Не лизались мы с ним! Шваркнул он меня по губехам, под терпилу толкнул и на хода подался, – в тысячный раз ответила я совсем не то, что хотела.

Если честно, я немного начала привыкать к своему новому состоянию. Конечно же, сперва я пыталась исправить свою речь, хотела говорить как обычно, но жаргонные словечки сыпались горохом, стоило только открыть рот.

Да, я слышала о такой болезни, как «синдром Туретта». Я знала об осечках электрических импульсов в мозге, которые вызывали непроизвольный тик или вокальное сопровождение. Но чтобы болезнь принимала такую форму и коверкала нормальную речь под жаргон...

И почему-то перед глазами возникала ехидная улыбка исчезнувшей старушки.

Майор Свистов уже пять раз сходил покурить и возвращался с каждым разом всё мрачнее и мрачнее. Угрюмому следователю Ковырялину никак не удавалось вызнать правду о рыжеволосом парне, который украл кошелек у майора ДПС.

Я бы и рада помочь следствию, но не знала воришку, и не могла объяснить нормальным языком, а на жаргон у полицейских было свое мнение.

– То есть он вам подмигнул, потом поцеловал, и вы совершенно обосновательно кинулись под ноги майора?

– Хорош меня разводить, канитель задрипанная! Я запарилась одно и то же втирать, как крем от геморроя в коричневый глаз. Я не в курсах – чо это за беспредельщик и чем по жизни дышит. Есть чо предъявить – валяй, а нет ничо – давай вольную, начальник, – сказала я, хотя пыталась донести, что устала и не знаю рыжего, и что если нет других вопросов, то хотела бы уйти.

– Да что с ней валандаться? Запереть в камере с бомжами и пусть ночку понюхает. Сразу язык развяжется, – не выдержал обокраденный майор. – По-любому они в паре работают, а теперь из себя целку строит.

«Прошу вас успокоиться. Я действительно не виновата. Я обычная студентка и торопилась на экзамен. Я всего лишь жертва обстоятельств» – вот что я хотела сказать, но получилось иное:

– Не гони пургу, мусорок. Я реальная промокашница и шкандыбала на реальную стрелу, но судьба-злодейка подсурила мне подляну лютую, потому я и здесь.

Следователь снова вздохнул.

Чахлый фикус на окне печально смотрел на улицу, где на ветках липы воробьи обсуждали новую пекарню, а жирный полосатый котяра на земле распахивал пасть и терпеливо ждал, когда несознательные птицы ощутят укол совести и прыгнут к нему в пасть.

Ковырялин подошел к окну и несколько минут понаблюдал за этой картиной. Нет, он не был злым, его таким сделала профессия. Попробуйте постоянно общаться с преступниками и при этом оставаться милым и добрым человеком.

Понятно, что сейчас Свистов притащил очередной «висяк» и шанс на раскрытие этого дела такой же, как у кота дожидаться попадания воробья в открытую пасть. Ковырялин сразу послал бы просителя ниже по инстанции, если бы не был хорошим знакомым майора и тот не давал ему «зеленый свет» на дорогах. Он погладил мясистый лист фикуса и скривился.

Следователя мучила изжога, и даже сода не помогала в этот раз. Похоже, что гастрит собирается окуклиться и выпорхнуть цветущей язвой. А ещё Борька-пятиклассник обрадовал двойкой по поведению – и это сын защитника правопорядка. И жена нашла заначку...

Нет, я этого не знала, просто смогла представить, глядя на его лицо.

– А знаешь, майор, твоя правда! Давай-ка отправим нашу девчоночку переночевать за государственный счет. Пойдешь к бомжам, красавица?

– Куда она денется? Переночует в блевотине, нанюхается дерьма и станет шелковой. Сразу своего ржавого подельника сдаст, – кивнул Свистов.

Перспектива переночевать под крышей, но за металлической решеткой, может устроить только бездомного. Меня же это явно не устраивало.

– Да вы чо, борзянки обожрались? Я чихса с понятиями и меня уже ждут на хате. У предков труселя не стираны, шнурки не глажены, а сеструхи вообще не отдуляют чо и как им делать с причесоном. Выпускай на волю, начальник, а то загнуты они без меня. Нет у тебя ничего на Олесеньку, так что кончай фуфлю гнать, сделай ряху подороже и прикажи псам открыть заслонку. Или верните мобилу, я отскочу и децл побормочу!

Конечно, после такой «милрой» просьбы ни один полицейский не удержится, чтобы немного не проучить зарвавшуюся малолетку.

А что я могла сделать? Я же имела в виду совсем другое...

– Фролов, проводи «Олесеньку» в её комнатку, пусть немного посидит и подумает, – вздохнул следователь, наблюдая за тем, как разочарованный в сознательности воробьев котяра бредет к забору.

Пухлый мохнатый зад прямо-таки напрашивался на хороший пендель и если бы следователь оказался рядом, то кот вполне мог приземлиться на ветки с вожделенными птичками.

Крепкие руки встряхнули меня, как хороший бармен шейкер, и, под злобным взглядом майора, я проследовала к двери. Страшно было, но как донести этим остолопам, что я хочу помочь им, а ещё больше хочу домой?

– Мусора поганые, волки позорные, вы ещё ответите за беспредел. Да не выкручивай ты ласты, дятел кукурузный! – выкрикнула я из коридора.

Следователь хмыкнул и кинул в рот ещё чайную ложечку соды. Свистов укоризненно покачал головой, сокрушаясь о судьбе этого несовершенного мира.

А ведь я всего лишь хотела сегодня сдать экзамен и начать готовиться к поездке на отдых. Неужели я многого хотела?

Явно не жесткую скамью и древнюю старушку в качестве компаньонки. А за стенкой бухтели представители мужского пола и они тоже вряд ли были счастливы настоящим местопребыванием.

Я украдкой осматривала свою новую соседку.

Женщина напоминала пресловутого деда из загадки про сто шуб. Невообразимое количество юбок и кофт делали её похожей на капустный кочан, из которого торчала кочерыжка-голова. Лицо старушки скрывалось под двумя платками, лишь растрепанные седые космы торчали наружу. Она мелко подрагивала и что-то бормотала себе под нос. То ли молилась, то ли материлась.

Я сидела на краешке скамьи и огорченно смотрела на носок босоножки. Да уж, я представляла, как огорчится папа, когда узнает – где провела ночь его дочка.

И как обрадуется мачеха...

О счастье сестер я предпочитала даже не думать – у них появится невообразимое количество подколок и остроумий.

– А они мне говорят: «Пойдем, прогуляемся, красотища!» А я им в ответ: «Без шампанского мне не гуляется!» Они тогда целую ванну шампанского принесли, хотя достаточно было бокала. Ну, а я что? Я и разгулялась... кто же знал, что небоскреб таким непрочным окажется? – донеслось со стороны укутанной женщины.

Дребезжащий голос заставил меня встрепенуться. За тяжелыми думами я совершенно забыла, что нахожусь в стенах заточения не одна.

Старушка тем временем начала водить перед собой руками, будто отгоняла невидимых чертей. Она не обращала на меня никакого внимания, а я на всякий случай отошла подальше к решетке, чтобы не быть прихлопнутой вместо настырных слуг Сатаны.

Неужели мне и на этот раз повезло на сумасшедшую бабушку? Да что за день-то такой? Что не старушка, то сюрприз.

– Мария Дормидонтовна, ты снова смыться пытаешься? – спросил краснощекий дежурный из стеклянного аквариума.

– Мишка, а ну не сбивай! Забуду формулу и тебя смою, вместе с каталажкой вонючей. Проход заклинаю открыться козявкой медвежьей, ураганом безмятежным, горьким сахаром, блудливыми монахами.

Старушка продолжала бормотать свой бред, а дежурный вытащил телефон и начал снимать её на камеру. Я закрыла лицо, чтобы за компанию не стать звездой Ютуба. За стенкой притихли задержанные. Все внимали речитативу женщины в сотне одежек.

– Тьфу ты, опять забыла добавить координаты точные! Совсем памяти не стало, – наконец сплюнула женщина и прекратила гонять невидимых чертей.

– Дормидонтовна, не получилось? Ну, ты не расстраивайся. В следующий раз обязательно смоешься, – тщательно выговаривая слова, сказал полицейский и убрал телефон.

– Да, тетя Маш, ты, главное, не тормози – рано или поздно сдернешь отсюда, – раздался за стенкой сиплый голос.

– Спасибо, отроки грешные. Стара я стала, забываю всё. В молодости-то достаточно было ножкой топнуть и уже в Африке на слоне оказывалась... О! Девица-красавица, а ты что здесь делаешь? – женщина повернула голову ко мне.

На меня взглянули неожиданно молодые и задорные глаза. Они так контрастировали с морщинами и седыми волосами, что казалось, будто девчонка моих лет надела резиновую маску из магазина приколов и теперь выдает себя за старуху. Так можно увидеть актрису Тенякову в роли бабы Шуры из фильма «Любовь и голуби».

Зато пятна на руках и сморщенная кожа выдавали немалый возраст. Лицо напоминало печеное яблочко, зубы белели вставным фарфором, а с мочки левого уха свисала серьга, похожая на индейский талисман «ловец снов».

– Мотаю срок от звонка до звонка. Замели по беспределу, вот и оттопыриваюсь. А тебя, за что загребли, старая кошелка? – опять не те слова.

По смыслу можно догадаться, что я пожаловалась на процессуальную ошибку и спросила – почему бабушка оказалась в этом дурно пахнущем месте.

– Ой-ёй, красавица, да что же это ты так разговариваешь? Никак уже не первый привод за плечами имеешь? А ведь по виду и не скажешь – больше на студентку обыкновенную похожа. Вижу лицо чистое, да душу незамутненную, а вот слова поганые капаят... С чего бы это?

– Шкандыбала седня до технаря, а меня...

Я рассказала свою историю. Старушка то улыбалась, то хмурилась, стараясь разобрать в жаргонизмах нужные слова. В конце рассказа она печально покачала головой:

– Да уж, красавица. Не повезло тебе попасть под Грюзельдины руку горячую. Сестра она моя названная, вместе в селе Ведьмариха росли, да колдовству обучались. Знаю я её, хоть и не виделись давненько.

– Разводишь? – мои брови полезли вверх. – Так это твоя сестрена меня сюда угандошила? Вот же овца дряхлая! Прикольные фокусы вы делать намастрячились.

– Поддай-ка свою руку, может и найдется способ, как снять проклятия нехорошие?

Я протянула правую ладошку и поежилась, когда женщина начала водить по линиям желтым ногтем. В какой-то миг старушка крупно вздрогнула и распахнула глаза, глядя то на ладонь, то на меня.

Я кивнула и вопросительно приподняла брови. Я могла бы спросить словами, но предпочла сделать понятные всем жесты. Старушка шумно вздохнула и выпустила мою ладонь.

– Это да-а, намастрячились. Сызмальства вместе были, покуда один добрый молодец нас не разлучил. Хотя, сами виноватые... Да ладно, это дело прошлое, – отмахнулась Мария Дормидонтовна от неприятных воспоминаний. – Сестренка хоть и отходчивая, но больно уж на расправу скорая. Ладно, неудачи лечатся, речь исправляется, из-за тучки солнышко завсегда проглядывает. Знаю, чем помочь твоему горю. Сейчас вызовем Игорька, и он нас вызволит, а потом уж и с тобой разберемся.

– Чо за Игорёк? Фраерок приклатненный? – вырвалось у меня, когда старушка снова принялась гонять чертей и зачитывать несуразный рэп.

– Милая, у меня уши сворачиваются от твоей речи. Давай-ка ты покиваешь, если хочешь сказать «да», и покачаешь головой, если «нет». Согласна?

– Без базара, калоша старая. Всё вкурила, машу гривой, – я зажала рот ладонями и кивнула.

Старушка покачала головой, вздохнула, достала из недр бесконечных юбок сотовый телефон «Нокиа 3310» и нажала на единичку. Тут же пошел вызов. Как назло, в этот момент дежурный поднял голову и скучающе посмотрел в нашу сторону. Взгляд тут же изменился на строгий – в камере телефонов не полагалось, поэтому у меня его изъяли вместе с сумкой, хотя я и кричала о положенном звонке.

– Мария Дормидонтовна, а ну-ка поддай сюда мобилу. На выходе заберешь, – дежурный вышел из своего аквариума.

– Отвали, мусарня! Бабуля сейчас коньки откинёт, дай ей с хахалем пошуршать о делах душевных, – вырвалось у меня так внезапно, что в соседней камере нервно хохотнули.

– Бормотухин, отстань от тети Маши! Пусть позвонит, – раздался прежний сиплый голос.

– Тихо! – прикрикнул дежурный и зло зыркнул в сторону соседней камеры. – Хочешь пятнадцать суток получить? Мария Дормидонтовна, отдай телефон по-хорошему!

– Да, жду тебя, Игорюша! – закончила тихое бормотание старушка и протянула телефон дежурному. – Забери, Мишаня, забери, мила-а-ай. Можешь себе оставить, я ещё наколдую.

– Я вот тебе наколдую. Не положено! В следующий раз обыскивать будем, – посуровел дежурный, но при взгляде на добрые глаза «тети Маши» смягчился. – Ты пойми, я же не против телефонов, но если начальство увидит, то я даже с «Вазелином» не скоро присесть смогу.

За дверью на улице громыхнул гром. На небе не было ни тучки, так что это показалось пушечным выстрелом. Вот только кому понадобилось притаскивать пушку к отделению полиции?

В железную дверь словно пнул великан – стены затряслись, с подвесного потолка даже сорвался кусок гипсокартона и разбился в мелкую белую крошку. Гипсовое облачко поднялось на высоту человеческого роста. Дежурный схватился за кобуру.

– Всё будет хорошо. Не волнуйся, будь счастлив! – подмигнула старушка и посмотрела за спину Бормотухину. – Привет, Игорёк.

– Привет, бабуля, опять кости на нарах греешь? Ого, какие знакомые лица, – улыбнулся рыжеволосый парень, который вышел из облака и заметил меня.

– Это тот ржавый фраерок, который меня подставил по беспределу! – взвизгнула я.

– Парень, ты откуда взялся? – удивленно распахнул глаза дежурный.

В эти-то распахнутые блеклые глаза и влетела мелкая пыль, которую рыжеволосый молодой человек сдул с ладони.

Глава 3

«Мы не стареем, мы созреваем»

Пабло Пикассо

Я в недоумении смотрела, как замер дежурный Бормотухин, а Игорек спокойно вытащил из его руки телефон.

– Игоряш, давай-ка и на ребят дунь, мой хороший. Не нужно, чтобы про меня как про колдунью говорили. И так уже зачастила сюда, – с кряхтеньем отозвалась Мария Дормидонтовна и подошла к двери.

– Тетя Маша, да мы никому... Отвали, рыжий, нечего дуть на... – раздался за стенкой сиплый голос, но белый вихрь не дал ему закончить.

Женщина тем временем только коснулась пальцем замка, как дверь тут же открылась. Никакого скрежета ключа, никаких пассов-шуганий чертей. Просто коснулась, просто открылась.

– Обычный «Гардиан» металлический, – пояснила тетя Маша, когда увидела мои глаза. – Ничего сложного, девонька. Я в свое время, когда из инквизиторских подвалов убегала, с такими замками справлялась, что о них даже страшно подумать, не то что увидеть или пощупать. Пойдем, красавица, или ты хочешь тут остаться и дожидаться суда несправедливого?

– Да какого я здесь забыла? Чапаем, в натуре. А тебе, ржавый фраерок, придется передо мной ответку держать, – я от удивления даже забыла, что обещала кивать или качать головой.

– Ого, какие слова мы знаем, – улыбнулся Игорь, когда я выбралась из камеры. – Никак сериалов по НТВ насмотрелась?

Я хотела ответить ему, но ощутила на запястье пальцы тети Маши. Старушка подняла брови и покачала головой. Я понимающе кивнула, потом зашла в дежурку и забрала свою сумочку. Дежурный не протестовал. Он стоял окаменевшим столбиком и молчал, как еловая шишка темной ночью.

Когда троица вышла из отделения милиции, то за спиной осталось помещение, усыпанное гипсовой пылью. Замершие люди напоминали статуи из парка, которые только-только установили среди лип, и нахальные птицы ещё не успели облегчиться на их головы и плечи.

– Игорёк, Олеся может нормально разговаривать, но она сейчас находится под проклятьем. Попала под горячую руку Грюзельдины. Помнишь, я рассказывала тебе о сестренке, с которой уже много лет не разговариваем? Майор, у которого ты украл бумажник, упал как раз на неё.

Рыжеволосый парень присвистнул и почесал буйные кудри.

«Как только не обжегся?» – подумала я в тот миг. Да, думать-то я могла нормально, а вот говорить не получалось.

Игорь виновато шмыгнул:

– Ого, как же так получилось, что попалась именно она? Там была какая-то старушка, но я не ожидал... Извини, девушка, я же не знал, – обратился он ко мне, а потом снова перевел взгляд на Марию Дормидонтовну. – Кстати, бабуля, вот твоё удостоверение.

Рыжеволосый парень достал из потрепанного бумажника пластиковую карточку и отдал женщине. Та плюнула на удостоверение, потерла и что-то тихо пробормотала. Потом подула на пластик, и легкая блестящая струйка унеслась в сторону Москвы.

Я решила про себя, что ничему удивляться не буду, и терпеливо ждала дальнейшего развития событий. Как оказалось – с решением я поторопилась. Рыжеволосый парень выбросил бумажник в урну, из которой на свет выглядывали любопытные окурки. Потом он повернулся к старушке.

– Как уж ты умудрилась в небоскреб-то въехать? Хорошо ещё, что там рабочих не оказалось.

– Как-как, у Ситранатры Никодимовны перебрала шампанского немножечко. Но в своё оправдание могу сказать, что юбилейный тысячетлетний день рождения всего лишь раз в жизни случается. Немножко не справилась с управлением, небоскреб и рухнул. Зато теперь застройщика привлекут по закону строгому, а то воровал стройматериалы, гад, и даже не морщился. Пусть оправдывается, почему «Копейка» маленькая снесла его творение огромное. А вот и она, моя милая ласточка, – подъехала желтая машина марки ВАЗ-2101.

За рулем блестящей кареты виднелся седовласый благообразный старичок, напоминающий профессора математики. Такие машины и таких старичков можно в огромном количестве увидеть пятничными вечерами, когда они выбираются из Москвы на дачи в Подмоскowie и воскресными днями, когда едут обратно. На дверях, капоте и багажнике виднелись бледно-желтые полосы, какие наклеивают на штраф-стоянках.

Желтые полосы не задержались долго, так как после взмаха старушки поднялись с нагретого металла и полетели прочь бабочки-капустницы.

– Крутяк, это ведро с болтами ещё и катается? – непроизвольно вырвалось у меня. – Раритетина, ..я.

– Девушка, не выражайся, пожалуйста. Тут же престарелая женщина, – нахмурился Игорь.

Мария Дормидонтовна звонко расхохоталась. Мне на миг показалось, что это звонкие колокольчики поскакали по мраморным ступенькам.

Моя бабушка, если можно так назвать маму мачехи, кашляла простуженной вороной, когда видела, что какому-нибудь человеку плохо или больно. Наиболее невыносим её смех бывал в те моменты, когда сестры устраивали мне очередную пакость. Когда портили все колготки зацепами или накладывали овсяную кашу в туфли.

«– Томас, что хлопает в моих ботинках?»

– Овсянка, сэр.

– А что она там делает?»

– Хлопает, сэр!»

Именно такой анекдот мама мачехи рассказывала при моем появлении. Её это страшно забавляло...

– Надо же, какие мы вежливые стали, а кто недавно занудой необыкновенной меня обзывал? – спросила старушка.

– Дормидонтовна, так я это... – Игорь потупился, но я видела, что углы его губ подрагивают, чтобы не разехаться в улыбке. – Я же в сердцах, и вообще шепотом.

– Ладно, потом разберемся, друг разлюбивнейший. Сейчас нужно умчаться нам быстренько. Пойдемте, детишечки.

Я никогда раньше не спотыкалась на туфлях, хотя носились они уже не первый месяц. Что послужило падением, я вряд ли могла сказать. Шагнула вслед за парой, оступилась и тут же острая боль шархнула по лодыжке крапивной плетью.

– От же ...ный в рот! – вырвалось у меня, когда приземлилась на живот и больно ударила локтем об асфальт. Похоже, что второе проклятие тоже вступило в силу.

– Ты чего разлеглась? Устала и захотела спать? – наигранно удивился Игорек.

Я с трудом сдержала все слова, которые пытались сорваться с языка, и лишь покачала головой. Он попытался помочь мне подняться, но боль снова полоснула по лодыжке. Я вскрикнула от боли и ударила асфальт пятой точкой. Серый асфальт тактично промолчал.

– Ох ты ж, девонька, покажи-ка ноженьку, – подскочила старушка, шелестя многочисленными юбками.

Я честно попыталась вытянуть носок, но лишь застонала и прикусила губу, чтобы на свет не выплеснулись матерные ругательства. Старушка потерла ладонь об ладонь и положила на лодыжку. Мне показалось, что по ноге расплылось тепло, будто Мария Дормидонтовна поливала её из горячего чайника. Резкая боль сменилась легким пощипыванием, и в этот раз стопа обрела подвижность без малейшего намека на боль.

– Ну, вот и хорошо, милая. Теперь попытайся встать.

Я попыталась, и на этот раз асфальт остался нешлепнутым. Боли как не бывало, словно в ногу вкололи слоновью дозу анестетика. Игорь показал бабушке большой палец, но старушка всё равно нахмурилась.

– Игорёк, я уже сказала, что это частично твоя вина. Грюзельдина два проклятия сразу наложила. Второе заговорено на неудачи, поэтому доставай свой эликсир счастья...

– Но он у меня последний. А следующую партию удастся только через неделю получить, – проныл молодой человек.

– Отдай девочке, – безапелляционным тоном заявила старушка, – иначе мы рискуем не доехать до сестренки.

– Бабушка, так давай сиганем? Тут же недалеко.

– Молодой человек, ты уже успел забыть, за что я тебя черепахой медленной оборачивала? Могу напомнить! Ты прыгать так толком и не научился, – Мария Дормидонтовна кивнула на вмятину в стальной двери отделения. – А если мы с девочкой сиганем, то рискуем оказаться вмурованными в стену. Тебе ли рассказывать о проклятии неудачи?

Игорь набрал в грудь воздух, но старушка уже не обращала на него внимания. Она хлопнула в ладоши и благообразный старичок-профессор, который сидел за рулем, сдулся, как большая резиновая игрушка. Такого шофера можно было увидеть в фильме «Люди в черном». Он тоже то сдувался, то появлялся. Я помнила о своем решении не удивляться, но не могла сдержаться.

– Охренеть!

– Держи, выпей и перестань такие слова употреблять, это некультурно, – Игорь сунул в руку пузырек размером с бутылочку йода.

Пузырек больше всего напоминал склянку из фильма про властелина колец. По форме походил на маленький кувшин, внутри переливалась всеми цветами радуги непонятная маслянистая жидкость. По краям пузырька висла тончайшая серебряная вязь.

– Пей, деточка, так нужно, – кивнула старушка.

Я откупорила пробку, принялась. Пахло чем-то мандариново-словым. Если так пахнет счастье, то каждый Новый год этот аромат вдыхают миллионы людей. Я с опаской поднесла пузырек к губам, но отхлебнуть не успела.

– Эй, что тут происходит? – раздался позади троицы громкий голос. – Кто наставил статуи в приемной?

Раньше я уже слышала этот голос и безошибочно узнала грузного мужчину, которого обворовал Игорь. Майор стоял на ступеньках и лихорадочно шарил по бедру. Он уже успел забыть, что сейчас находится не в форме, а кобура с пистолетом покоится в отделении сейфа.

– Свистов, ты дурачок? – невозмутимо спросила старушка. – Неужели не видишь, окаянный, что происходит побег дерзновенный? И это, майор, твой кошелек поганый в урне смердящей валяется. Не взяли мы оттуда даже на возмещение морального ущерба. Цени нашу щедрость, взяточник в погонах.

– Да вы, да я... – задохнулся Свистов, но, тем не менее, проследил направление, по которому указывала старушка.

Черный бумажник валялся на груди окурков, бесстыже распахнув корочки и показывая всему миру наличность майора. Грузный мужчина протянул руку.

– Бегом змеиным, полетом страусиным, ртутной бумагой, сплющенной шпагой, тихим ором и мудрым вздором заклинаю тебя, урна, придержи Свистова полчаса, – скороговоркой оттарабанила старушка.

Я протерла глаза, но они снова и снова подсовывали прежнюю картинку – края урны сжались, словно губы кокетки, и намертво зажали руку майора, как тонкую папиросу. Тот едва не поседел, когда увидел ту же картину, но продолжил дергаться и рваться на свободу. Оказывается, человек, которому нравилось сажать другого за решетку, очень не любил, когда ограничивали его передвижение.

– Игорюш, сделай так, чтобы он забыл о нас, – попросила старушка. – А то неудобно получится, когда его освободят, а он направо и налево будет рассказывать, что это его заарестовала старушка, которая обрушила небоскреб, задержала. У него и так уже есть повод к отправке в сумасшедший дом, а тут ещё один добавится.

Игорь кивнул и подошел к орущему благим матом человеку. Свистов даже попробовал пнуть рыжеволосого паренька, когда тот выставил ладонь и дунул ему в лицо. Миг и на ступеньках застыла ещё одна статуя, похожая на статую дискобола. Только в этот раз атлет словно уронил свой диск в урну и пытался незаметно для зрителей его достать.

– Пусть-пусть. Ему это будет уроком отчетливым, чтобы не отбирал права у колдуний слегка подвыпивших. Поехали, молодежь! – скомандовала Мария Дормидонтовна и дернула меня за рукав блузки. – Да не переживай ты так, красна девица, через полчаса урна примет свое прежнее положение, а над Свистовым ещё похочут приятели. Этот взяточник пытался у меня две пенсии выцыганить, так что поделом наказан задержанием. Игорь, а про нас им помнить необязательно, пусть примут всё за массовое помешательство.

Я кивнула, так как возразить нечего, а рвущиеся слова мало походили для возражения. Игорь достал ещё какой-то порошок из недр кожаной куртки и посыпал на губу застывшего майора. Потом заскочил внутрь помещения и через двадцать секунд выбежал наружу.

– По коням! – зычно скомандовала старушка.

Я нырнула на заднее сидение «Копейки» и поразилась внутренним размерам. Изнутри машина походила не на компактную модель, где на заднем сидении нельзя слушать музыку, потому что коленки уши закрывают, а на огромный и длинный лимузин. На похожем катается Киркоров, наверное.

Белые диваны прижались к вогнутым стенам, светлый потолок и ковер на полу с таким ворсом, что по нему можно пускаться вплавь. Стекла тоже занавешены тканью цвета первого снега. Внутри бело, как в яйце страуса... Играет негромкая музыка, судя по напевам, играет «Золотое кольцо».

Тогда я вылезла наружу и оглядела машину ещё раз. Обычная «Копейка», только на вид чистенькая и новенькая, словно вот-вот сошла с конвейера. Почему же изнутри она гораздо больше, чем снаружи? Как в старом русском фильме, где в маленькой избушке на курьих ножках размещался зал районной библиотеки.

Мария Дормидонтовна высунулась в окошко:

– Ну, что там? Ой, а ты ещё не выпила?

Я невольно обратила внимание на пузырек в руке. Потом выдохнула, как делал папа перед тем, как опрокинуть рюмку на Новый год, и залила содержимое в рот. Теплая жидкость на вкус напоминала лимонад «Тархун». Будь она зеленого цвета, то точно решила бы, что меня разыгрывают.

Ничего не произошло.

Абсолютно ничего.

– Вот и умница! На дорогу нам эликсира хватит, а дальше будет виднее. Теперь поехали, а то скоро эти субчики очнутся, и придется их по-новому усыплять.

Я залезла в машину и вновь оказалась внутри роскошного лимузина. С другой стороны залез Игорь и бухнулся на диван. Закинул руки за голову и скомандовал:

– Бабушка, сильно не гони, не дрова везешь.

– Всё-таки напомнить тебе стоит о черепаховом месяце, – донеслось с переднего сиденья. – Вы бы пристегнулись, а то мало ли что...

– Жми, бомбила, плачу за сбитых, – вырвалась у меня неожиданная фраза.

– Бабуля, теперь я знаю, как буду тебя назы... – Игорь кувыркнулся с дивана, когда машина резво прыгнула вперед. Оставшуюся часть слова он уже выплюнул на ковре, – ...вать!

Умная я пристегнулась и теперь наблюдала, как ворочается рыжеволосый молодой человек. Вот почему-то совсем его не было жалко. Я даже добавила бы ногой, если смогла дотянуться до копчика. Всё-таки он виноват в том, что сейчас со мной происходит. И в то же время он был мне чем-то симпатичен, бесшабашностью что ли...

Игорь сумел вскарабкаться на диван, потянулся за ремнем безопасности и тут же слетел обратно, когда машина резко затормозила.

– Я же просил не гнать, – простонал Игорь с пола.

– Да? Правда? А я что-то оглохла на старости лет. Мне показалось, что просили быстрее.

Я смогла разглядеть смеющиеся глаза в зеркало заднего вида.

Если увидите, что кто-то стоит и смотрит на пиццерию «Пипони», как баран на новые ворота, то смело можете назвать его Олесей Смельцовой.

Понять моё удивление можно – всё-таки тронулись с Советской, а остановились на улице Свердлова.

Как мы промчались расстояние в несколько десятков километров, ведь ехали не дольше одной минуты?

И это со светофорами и вечерними пробками.

Да-да, я помнила о своем решении не удивляться, но если чудеса сыплются одно за другим, то сложно оставаться спокойной и непоколебимой.

Мария Дормидонтовна лихо припарковала машину, и теперь «Копейка» смотрелась щенком между двумя огромными догами. Игорь потирал локоть, пока бабушка вылезала из машины. Водительская дверь не открывалась на полную ширину, чтобы выпустить старушку из салона, и та что-то прошептала.

Черный джип моргнул фарами и чуть посторонился. Я протерла глаза, но так и было – «Гелендваген» переступил колесами, как уставший слон, и приткнулся к серому «Опелю».

Хозяину джипа придется залезать через пассажирскую дверь.

– Вот тут и живет великая колдунья, а по совместительству пенсионерка Взмах, – старушка показала на типовое семнадцатизэтажное бело-рыжее здание. – В миру и для почтальонов она Галина Кирилловна Взмахова. Ну, чего смотрите? Наблюдала я за ней исподтишка, всё-таки кровь родная. Дети милые, сначала буду говорить я. Может, и не покарает сразу-то. Тебе, девочка, лучше вообще держать рот закрытым. А ты, Игорёк, попробуй поменьше скалиться. Всем всё ясно? Ну и отлично.

Если домофон на мощной двери являлся преградой для воров и бомжей, то для Марии Дормидонтовны он был лишь мелкой помехой. Она приложила палец к замку, и тот жалобно пропищал в ответ. Дверь открылась и выплеснула на нас запахи кошачьего туалета и жареной картошки. Я вспомнила, что последний раз ела утром и невольно сглотнула набежавшую слюну.

Новые подъезды радовали глаз убранством и зеленью растений в горшках. Консьержка скользнула по нам равнодушным взглядом и уставилась на экран телевизора, где в очередной передаче «Пусть говорят» назревал небольшой скандалчик.

Мария Дормидонтовна вежливо поздоровалась с создательницей комфортных условий для жильцов, та в ответ кивнула. Меньше всего мы походили на грабителей, скорее на молодоженов, которые привезли бабушку в гости.

Негромко ворчащий лифт донес нас на пятнадцатый этаж и широко зевнул металлическим ртом. На площадке оказались целые джунгли, только обезьяны не лазили по плетям сциндапсуса и тощим веткам циссуса. Но парочка волнистых попугайчиков перелетала с листка на листок. Пахло свежестью и сырой землей, а вовсе не ароматами мусоропровода и влажными окурками.

Внутри коридорчика, где виднелись шесть дверей, не наблюдалось ни колясок, ни велосипедов. Ничего того, за что могла споткнуться и упасть престарелая женщина. Даже разнообразная обувь не раскидана возле дверей, а каждая пара находится на своем месте.

Чистота и порядок – в воздухе пахло свежестью моря.

– Ага, судя по всему, сестренка проживает именно здесь, – Мария Дормидонтовна осталась возле декоративной двери.

Если вы видели деревянные врата в фэнтезийные подземелья, сколоченные из мощных деревянных брусков и обитые железной окантовкой, то сможете представить и дверь колдуньи Грюзельдины. Металлические полосы заканчивались на концах стилизованными лилиями, а в центре, там, где должен быть глазок, располагалась оскаленная львиная морда.

– Нехилая закрывашка, – пробормотала я, оглядывая неприступную дверь. – По такой долго херачить придётся, если надумаешь хату вынести.

– Да уж, но не только дверь будет сюрпризом для воров неблагодарных... Настоящая колдунья никогда не оставляет жилищные отверстия без заклинаний от гостей неожиданных. Так что лучше всего будет позвонить и подождать ответа. Дома она, нутром чую – дома, – старушка нажала на пимпочку звонка и за мощной дверью раздались переливы «Подмосковных вечеров». – Помните, говорить буду я.

Мы с Игорем не успели кивнуть, как металлические глаза льва уставились на нас, а из пасти донесся низкий мужской бас:

– Что вам нужно?

Глухие вибрации наполнили коридор. За остальными дверьми начали раздаваться шорохи. Похоже, что соседи подкрадывались к дверям и готовились к интересному зрелищу.

– Сестренка, открывай. Это я, Манюринда.

За дверью заскреблись, будто трудолюбивый дворник начал сметать в кучу сухие листья. Мы ждали, пока не прозвучали очень странные слова:

– Вали-ка ты подобру-поздорову, дорогая сестра. И молодняк с собой забери. Считаю до трех, потом пушу «греческий огонь». Раз...

Глава 4

«Нет магии сильнее, чем магия слов»

Анатолий Франс

– Сестра, я понимаю, что у нас с тобой обида древняя да досада крайняя. Понимаю и сама ни за что не пришла бы с головою повинною! Но послушай – я нашла ту, которая может нас примирить, или же всё исправить. Неужели ты не увидела на руке девочки знак Эстифалиуса? – тихо сказала Мария Дормидонтовна.

В ответ невидимый дворник ещё раз скребанул метлой по асфальту. Послышался выдох. Мне стало крайне интересно – что же там творится за дверью? И вдобавок украдкой посмотрела на ладошки – никаких необычных знаков не обнаружила.

– Я думала, что показалось, – низкий мужской голос снова полился из пасти льва. – Но я не верю в такое совпадение, поэтому... Два!

– Бабушка, может, пойдём? Она же и взаправду пнуть может. Мы-то как-нибудь выкарабкаемся, а вот девчонка вряд ли, – Игорь подергал Марию Дормидонтовну за рукав.

Старушка отдернула руку и повернулась к двери. Она выпрямилась и встала, как Останкинская башня посреди коридорчика. Голос, которым тетя Маша сказала следующие слова, мало чем уступал по твердости рыку из пасти льва:

– Сестрёнушка моя милая, у нас появился шанс всё исправить. Если ты хочешь продолжать обижаться на меня, то я пойму, родимая. Однако знай – я никуда не уйду и не собираюсь накладывать чары Неуязвимости. Запускай свой «огонь греческий», или решим давай всё раз да и навсегда.

– Эй! Чо за дела? Я не собираюсь тут ласты склеивать. Если у вас тут свои разборки, то я не при делах и не хочу ни за кого впрягаться. Да я ваще... – я осеклась, когда в меня вперился сердитый взгляд Марии Дормидонтовны.

– Тихо, не рушь психологический момент, – шепнул Игорь, теребя браслет наручных часов.

Третий раз неведомый дворник соскреб листву за дверью в кучу. Третий раз из пасти льва раздался голос:

– Что же, сестра, ты сама выбрала такой финал. Видят боги, что я предупреждала. Три!

Мария Дормидонтовна даже не пошевелилась, зато перед ней кошачьим прыжком оказался Игорь. Он прикрыл бабушку грудью. Та полностью скрылась за фигурой высокого и поджарого внука, только юбки торчали наружу. За ними обоими спряталась я, справедливо рассудив, что через двоих до меня уже точно ничего не дотянется.

За дверью зашкворчало, будто спускали пар из скороварки. Стилизованные лилии раскрылись и в сердцевинах появились раструбы трубок величиной с горловину бутылочки йогурта. Я испуганно икнула и зажмурилась.

Насчет того, что не дотянется, я погорячилась...

Прошло пять или шесть секунд, прежде чем я осмелилась открыть глаза. Я помнила по школе, что такое «греческий огонь» и как инженер Калинин изобрел его для победы над арабами. Но одно дело помнить или читать на уроке истории, а другое дело стоять под раструбами и ждать, пока этот самый прототип напалма выплеснется на нас.

Единственное, о чем я в тот момент сожалела, что не попрощалась с папой. А ведь он уже наверно волнуется о том, что дочка не вернулась с экзамена. Странно только, что не звонит...

– Ладно, проходите, – сказал уже женский голос, и опасные раструбы вновь приняли вид лилий.

Без скрипа отворилась тяжеленная дверь. Я подумала, что если такую поставить где-нибудь в банке, то у воров один её вид отобьет желание залезать в сейф. На пороге стояла та самая старушка, которая совсем недавно лежала под грузным майором и которая наслала на меня неприятные проклятия.

Старушка вышла в синем халате и бигудях. О коричневые чулки терся пушистый белый кот. За спиной хозяйки квартиры виднелся обычный коричневый коридор, вешалка с одеждой, стойка для обуви и зеркало от пола до потолка.

Да-а, не так я представляла грозную колдунью. Обычно в фильмах показывали мантию со звездочками, широкополую шляпу и обязательно черного кота, а тут... Я почувствовала себя немного разочарованной. Хотя и Мария Дормидонтовна тоже не очень походила на ведьму с пятисотлетним стажем работы.

– Манюринда, у тебя есть пять минут. Потом уходи, – сказала Грюзельдина Киробантовна Взмах, а для соседней Галина Кирилловна Взмахова. Она подняла ладонь, когда мы с Игорем тоже вознамерились пройти в квартиру. – А вас я не приглашала. Не нужны мне воры в квартире.

– Да я... Да мы... – задохнулся от возмущения Игорь.

– Видела я, как ты у майора кошелек свистнул. Так что не надо лишнего вранья. Стойте тут! Не хочу потом серебряных ложечек недосчитаться, – нахмурилась Галина Кирилловна.

– Сестренка, так у тебя же никогда и не было этих самых ложечек, – сощурилась Мария Дормидонтовна.

– Вот-вот, я ребят ещё в квартиру не пустила, а ложечек уже нет. Страшно подумать – что будет, если я позволю им войти?

С такой логикой, а вернее, с полным отсутствием оной, нам было трудно поспорить. Игорь переглянулся с Марией Дормидонтовной, и та пожалала плечами.

– Игорек, подожди меня тут. Пока развлеки Олесю.

Старушка скрылась за дверью, и та с тихим шорохом закрылась. Рыжеволосый парень оглядел меня с головы до ног тем самым взглядом, каким прохожие рассматривают манекен в витрине магазина, и вздохнул.

Вздохнул?

Неужели этому прохожему я не понравилась?

И он мне тоже не понравился! Вот!

Я хмуро посмотрела на него. Если бы не он, то меня бы сейчас здесь не было. Я спокойно сдала бы экзамен, водрузив на голове модели Иры стрижку «Пикси» с мелированием и косой челкой, а потом вернулась домой. Там бы поогрызалась на подколки пухленьких сестер и начала собирать вещи для отдыха. Если бы не этот рыжеволосый, которому пошел бы стиль «гранж»...

– Как тебя развлечь? Хочешь, станцюю? – виновато улыбнулся Игорь.

– Слышь, ботаноид, ты меня подставил мусорам, а теперь на развлекухе хочешь съехать? Что за старперку впрягся уважить тебе и уважуха, но сейчас хавальник захлопни и не отсвечивай. Олесенька кумекать будет, – вырвалось у меня.

– Да я...

– Ты чо, не всосал? Ещё раз вякнешь, и я тебе всеку!

Игорь тут же поднял руки вверх. Ему бы ещё черную форму, свастику на плечо, и он стал бы похож на одного из завоевателей, которые брели по дорогам России в сорок пятом году. Очевидно, эта мысль достаточно откровенно отразилась на моем лице, поскольку рыжеволосый парень нахмурился и отвернулся к попугайчикам.

Он попытался свистом подманить хотя бы одного из пернатых. Неудачно.

Я посмотрела на его спину, чья форма напоминала бокал для мартини. Вроде бы не раскочанный, как ночующие в спортзале культуристы, но и не заплывший жиром, как офисные

работники. Скорее поджарый, как хороший гончий пес. Свет от оконного стекла заблудился в его вихрах, как будто никогда не знавших расчески.

Попугайчики перелетали с ветки на ветку и косились на парня настороженными взглядами. Они тоже не понимали – как можно ходить таким непричесанным. Свои-то хохолки они всегда держали в полном порядке.

Ни я, ни Игорь даже не догадывались, что по веткам скачут заколдованные управдом Виктор Михайлович Подъездов и начальник ЖКХ Сергей Викторович Квитанцин. Да-да, они тоже не побоялись «греческого огня», но позволили себе не вполне вежливый тон по отношению к Галине Кирилловне.

– Витька-дурррак! – крикнул один из волнистых попугайчиков.

– Сам дурррак! – ответил второй. – Увволюсь!

За такой содержательной беседой им было не до свиста Игоря. Тот от нечего делать начал обрывать листочки на циссусе. Но стоило ему только оторвать один зеленый отросток, как он тут же испарялся в воздухе и появлялся на прежнем месте.

«Ничему не удивляться!» – ещё раз напомнила себе. – «Я всего лишь наткнулась на обычных волшебников. Всё просто. Или же ударила головой об асфальт и теперь лежу в коме, а мне всё это только кажется»

Пяти минут не прошло, как дверь в квартиру опять открылась. На пороге показалась Мария Дормидонтовна и пригласила внутрь. Я успела услышать, как один из попугайчиков сказал, что Витька–дебил, и шагнула в квартиру колдуньи.

Да, я видела передачи, где люди ходили к экстрасенсам, а те потчевали гостей всяческими страшными историями и различными способами выцыганивали деньги. Так вот, у тех экстрасенсов для наведения таинственности была куча прибабасов, чтобы человек сразу проникся атмосферой магии и колдовства. Стекланные бусы над аркой-входом, стеклянный шар в центре круглого стола, треснутый пожелтевший череп на мрачном комод. Ещё надо добавить чучела летучих мышей, оглушающий запах благовоний и полумрак помещения.

Ничего похожего у Галины Кирилловны не было. Обычная квартира одинокой старушки. Ковер на стене, добротная мебель советского периода, люстра с множеством висюлек и телевизор под вязаной салфеткой. В обязательном серванте обязательный гарнитур с гжельской росписью. На кресле свернулся клубком белый котяра. Пахло вовсе не благовониями, а свежими плюшками. Я невольно сглотнула.

– Мда, – сказала хозяйка квартиры, которая села у стола, покрытого скатертью с бахромой. – Погорячилась я тогда, девочка. Ты уж прости меня, не разобрала сперва. Да и этого оболтуса впервые видела, – старушка кивнула на Игоря.

Молодой человек потупился и попытался носком кроссовка отколупнуть паркетную плашку.

– И чо? – мягко спросила я. – На гниль давишь, бабуля. Давай-ка лучше замастрячь меня по-бырому в обратку и мы разбежимся, как наскипидаренные бобики.

– Чего? – переспросила Галина Кирилловна.

– Она просит снять проклятия и разойтись по сторонам, – пояснил Игорь, которому не удалось справиться с паркетом.

– А-а, ну и язык. Как на таком можно разговаривать? Непонятно же ничего.

Я только пожалала плечами. Сама же виновата, а теперь ещё так натурально удивляется. Что за женщина?

– Ладно, девочка моя. Скажи-ка, когда я на тебя проклятия накладывала – ты о ком в тот момент думала? Не косись на рыжего, этот хулиган у тебя только плохие эмоции тогда вызывал. О ком ты думала хорошо? Ты пойми вот что – проклятие не легло бы железно, если бы ты не испытывала к кому-либо симпатию. Что это за мальчик? Мы можем его найти, влюбить и тогда

проклятия снимутся. А с внучатым племянником я потом разберусь, – Галина Кирилловна сверкнула глазами на Игоря.

– Да это Игорь меня выручал, – вступилась Мария Дормидонтовна за рыжего нахала, который продолжал ковырять паркет. – Тот майор окаянный отобрал удостоверение пластиковое, «ласточку» мою ненаглядную забрал на штрафстоянку и ни в какую отдавать не хотел. Я уж перед ним и так, и сяк, и «Цыганочку» с выходом из-за печки, а ему только деньги подавай. А откуда в наше время деньги у пенсионеров? Когда же ему в нос кулачишком сунула, то он меня в каталажку упек. Там уж я и девоньку встретила, знак её увидела, а Игорёк нас из хором тюремных вытащил.

– Всё равно разберусь! Не дело для ученика волшебницы по улицам галопом носиться, – упрямо мотнула головой Галина Кирилловна. – Так о ком ты думала, деточка?

Вот в этот моменя я и вспомнила об иконе стиля и парикмахерского искусства. Об Анатолии Костюмове. Всегда одет с иголочки, взгляд утомленный, будто он только-только постриг мамонта, а прическа... Казалось, что целая лаборатория ученых мужей подбирала волосок к волоску. Ни одной фотографии в сети, где он был бы растрепан или в неопрятной одежде. Русский аналог американской куклы по имени Кен.

– Есть один пацанчик, он всеми хаерами Москвы заведует. Под Толямбой Костюмовым его все знают. Чихсы перед ним на цирлах носятся, мастырит причесоны охрененные, и сам симпотный, как чихухауа в рейтузах. Вот по нему тогда и загонялась, – проговорила я, пытаюсь обойтись без мата.

– Нет, я не могу слушать эту непонятную болтовню. Давай-ка сделаем так, чтобы ты нормально заговорила. Перекинем твою речь на виновника торжества, – старушка мягко улыбнулась Игорю.

– Эй, я не хочу! Что это я – гопарь какой-то? – запротестовал рыжеволосый молодой человек, но старушка уже начала читать свой непонятный рэп.

– Заклинаю мягким кирпичом, коренным москвичом, черной звездой, железной водой. Пусть мое проклятье перейдет с красной девушки на добра молодца. Слово моё верно и твердо.

Прошло несколько секунд после зачитывания непонятных слов. Опять никаких громов и молний, лишь Игорь присел на корточки и шмыгнул носом. Горестно посмотрел на присутствующих, потом полез в карман и начал щелкать семечки. Мария Дормидонтовна вздохнула и взяла белого кота на руки. Тот тут же начал урчать с громкостью трактора.

– Вот и чудненько. Полностью снять проклятье не могу, ты уж извини, девонька, но вот пока этот чудак будет рядом – он и примет на себя половину твоих неурядиц. Либо будет говорить на непонятном языке, либо попадет под...

В это время Игорь поперхнулся и закашлялся. Он пытался сплюнуть горькую семечку на пол, но под строгим взглядом Галины Кирилловны убрал её в карман и закинул следующую.

– Ну чо, бабоньки, поздоровкаемся тогда? В десна жажаться не будем, на крабах разбежимся. Отныне зовите меня Игорь Фара, – слова молодого человека потянулись приторной жевательной резинкой. Таким тоном обычно спрашивают закурить в темном переулке.

– То есть твоя настоящая фамилия Лампочкин уже не котируется? – ехидностью в голосе Марии Дормидонтовны можно гранить алмазы.

– Не, это беспонтовое погоняло для лоха. Для реального пацика красивее Фара, – Игорь закинул ещё одну семечку.

– Вот и молодец. Проклятие непонятного языка у вас будет одно на двоих, свяжет крепче, чем брачные узы. Пока вы будете рядом, то мужчина возьмет его на себя. Но если вы отдалитесь друг от друга на сто метров, то оно снова вернется к девочке. Прости, Олесенька, я тогда очень сильно разозлилась и не могу ничего поделать с проклятием неудачи. Взамен могу дать три склянки с эликсиром счастья – использовать их нужно будет только в крайнем случае. Краса-

вица, а теперь сможешь повторить кусок текста про того, кто занимал твои думы? – улыбнулась Галина Кирилловна.

– Я думала про Анатолия Костюмова, – сказала я и распахнула глаза. – Ого, да я и в самом деле могу нормально выражаться. Как же хорошо! На дворе трава, на траве дрова! Классно-то как...

– Да уж, пока этот молодой человек находится рядом, ты сможешь спокойно разговаривать... Если он даст, конечно. А вот насчет Анатолия Костюмова... Скорее всего, я совершила непоправимое и вскоре нам придется об этом горько пожалеть, – вздохнула Галина Кирилловна.

– Говорила же я тебе, что знак на руке её видела, а ты всё не веришь. Возможно, именно она поможет нам, сестрёнка милая. Ты не помнишь – на какой срок мы Андронатия прокляли?

Коротко мявкнул кот и спрыгнул с рук Марии Дормидонтовны. Он прошествовал до Игоря и уселся рядом, подмигивая левым глазом. Игорь хотел было и ему отсыпать семечек, но хмурый взгляд Галины Кирилловны вернул руку на место.

– Нет, это было так спонтанно, так неожиданно, что я и не вспомню.

Я переводила взгляд с Марии Дормидонтовны на Галину Кирилловну и обратно. Конечно же я не совсем понимала – о чем они беседуют. Кто такой Андронатий и почему его тоже прокляли?

Запах жареных семечек расплзся по квартире и ещё раз напомнил, что я не прочь бы и перекусить. Напоминание вышло громкое, из глубины живота. С таким же бурчанием недавно заводилась «Копейка» Марии Дормидонтовны.

– Ой, так вы же наверняка голодные? Игорь, перестань портить желудок шелухой! Сейчас я вас накормлю, а за обедом и поговорим, – всплеснула руками Галина Кирилловна.

Она почти что покинула комнату, когда раздалось деликатное покашливание Марии Дормидонтовны. Хозяйка квартиры повернулась к счастливой обладательнице безразмерной «Копейки». Старушка в сотне юбок смотрела таким внимательным взглядом, словно боялась пропустить малейшее подергивание лицевых мускулов Галины Кирилловны.

– Грюзельдина... так это... мы с тобой миримся?

Даже кот посмотрел на хозяйку квартиры. Та поджала губы и кивнула:

– Манюринда, я сожалею о том, что по глупости и ненужной гордости так много времени потеряли. А ведь мы могли быть вместе... Конечно же миримся! Поможешь накрыть на стол?

Так козочка не перепрыгивает с утеса на утес, как Мария Дормидонтовна вылетела из кресла и оказалась возле сестры. Прошел миг, и одна бабушка повисла на второй. Улыбки обеих женщин можно помещать на плакаты о счастливой старости.

Игорь хмыкнул, но от комментариев воздержался. Кот тоже ничего не сказал. Глядя на них, промолчала и я.

Объятия старушек продлились недолго, и обе скрылись в глубине коридора. Вскоре со стороны кухни послышалось звяканье посуды, и потянулся вкусный запах котлет.

Я почувствовала, что ещё немного и захлебнусь слюной. Старушки-веселушки не стали томить молодые организмы, вскоре на столе водрузилась кастрюля с картофельным пюре, тарелка с ещё шкворчащими котлетами и блюдо с крупно порезанными овощами. От хлеба ещё шел парок, а по стенке запотевшей банки молока катилась крупная капля.

– Налетай, молодежь. На нас не смотрите, мы по крошке съедим и сыты будем, а вам силы ещё ой как понадобятся, – накладывала в тарелки с гжельской синевой Галина Кирилловна.

– Это вы наколдовали? – спросила я, глядя, как вырастает желтая пирамида, а с краю прикладываются два крупных мясных медальона.

– Нет, мы на мелочи бытовые стараемся не тратить магию. Если руками сделать можно, то и колдовать не надобно, – улыбнулась водительница «Копейки».

– Крутая хаванина! Если такую жрачку будут каждый день подгонять, то я забурюсь здесь на месячишко, – восхитился Игорь, а после перевел взгляд на Марию Дормидонтовну. – Бабулойд, меня уже запарил этот базар. Пусть Олеська так бакланит! Она так даже круче будет, а то как лохушка голимая ходит.

Галина Кирилловна покачала головой:

– Нет уж, дружок. Если послужил виной моего гнева, то будь добр отработать. Иначе я тебе какое-нибудь другое проклятье повешу.

– Всё всосал, – тут же поднял руки Игорь. – Заткнулся и не пахну.

Я скосила на него глаза, хитро улыбнулась (не только мне мучиться) и тут же уронила котлету на пол. Кот белой молнией метнулся к неожиданному подарку и утащил его в уголок, где с урчанием начал радоваться жизни.

Галина Кирилловна укоризненно покачала головой:

– Бедная девочка, немало тебе придется вытерпеть. А если действие нашего проклятия на потомках Андронатия не закончилось, то и вовсе всю жизнь придется на эликсирах счастья провести.

– А кто такой этот Андронатий? – спросила я, аккуратно поддела вторую котлету и наклонилась над тарелкой, чем вызвала недовольный взгляд кота.

– Ладно, слушайте. Видимо так сошлись звезды, что тебе не повезло в этот день оказаться в неудачном месте и в неудачное время. Когда нам с сестрой было всего по двести лет, мы влюбились в одного парня.

– В кузнеца местного влюбились без памяти, Андронатием его звали. Поделить не смогли, да и разругались вдрызг.

– А потом, со злости на кузнеца, его вместе и прокляли – чтобы он другой не достался. Перестарались мы, проклятия переплелись между собой и не только Андронатий не мог ни в кого влюбиться, а и на потомство его распространилось. Вот только до какого колена? Неизвестно. Не могли его потомки влюбиться ни в кого. Женились, детей заводили, но всё без любви. А мы с тех пор и не разговаривали, – вздохнула Галина Кирилловна.

Я ещё пару раз роняла котлету, но та шлепалась на пирамиду из мятой картошки и поэтому я не оставляла попыток донести её до рта. Кот внимательно следил за ней и вздыхал, когда котлета не падала на пол.

– То есть, Анатолий из потомков Андронатия? – немного устав от борьбы с котлетой, сказала я.

– Да, и мы приложим все усилия, чтобы он в тебя влюбился. Но если не получится, то...

– Что «то»? – подняла бровь девушка.

– То есть ещё один способ, и он подойдет для тебя. Недаром же у тебя на руке виднеется тот знак Эстифалиуса. Я сначала не поверила, думала, что глаза подводят, да и звездочки блестящие летали, а вот сестренка углядела. Но трудный то способ...

– И что это за знак? – я попыталась рассмотреть линии на руке, неудачно повернула вилку...

Кот второй раз остался доволен. Увы, кто-то радуется чужим неудачам, когда они приносят ему пользу. Я недовольно посмотрела на урчащее животное, но кот блаженствовал. Когда же я взглянула на улыбающегося Игоря, то нога сама дернулась, чтобы носком впиться в его икру.

– Ты чо творишь, беспредельщица в пинетках? – взвыл Игорь и потер больное место.

– А нечего улыбаться чужим неудачам. Из-за тебя всё! – буркнула я и повернулась к Галине Кирилловне. – Так что это за знак?

– Это знатная штука. Ведь если у тебя не получится... Хотя, я думаю, что у тебя всё получится, – улыбнулась Галина Кирилловна.

Так могут улыбаться медсестры, которые говорят первоклашке, что укол – это не больно, «как комарик укусит», а потом протыкают тонкую кожу огромной иглой и радуются, что обманули ребенка. Я перевела взгляд на Марию Дормидонтовну.

– Старая это способность, магическая. Редко у кого из людей обычных обнаружить её можно... Но будем надеяться, что она не пригодится. Посмотришь, Грюзельдина, в свой шар волшебный, чтобы узнать, где там Толик-то обретается и что он делать собирается?

– Да чо по шарикам зырить? Тырнет же есть, – взял слово Игорь и вытащил смартфон. – Кликаем по «Инсте» и видим, что он хаает в какой-то пафосной рыгаловке. А завтра вечером собирается яйца крутить на вечерухе в «Icon». Там-то его и можно развести на зализон. Только зелий отсыпьте душевненько.

Женщины поморщились от такой речи, но сдержались. Они переглянулись между собой и кивнули.

– Слушайте, а почему вы можете творить чудеса непонятным речитативом, а Игорю постоянно с какими-то порошками приходится дело иметь? – задала я давно интересующий вопрос.

Старушки заулыбались, а Игорь потупился.

– Слова мы произносим верные, а для обычного уха они тарабарщиной слышатся, чтобы непосвященному неповадно было запоминать. И мы с сестрой магией владеем, а он только на обучении находится. Шишок он молоденький, вот и пользуется пока что порошками да эликсирами, – Мария Дормидонтовна ласково погладила Игоря по руке.

– Кто? Шишка?

– Шишок! Ну, домовичок такой проказливый. Не понимаешь? Эх, молодежь, совсем старину позабыли-позабросили. Мальчик-фей он, по-вашему, по-современному. Колдовать ещё толком не умеет. Я учу его уму-разуму, а он меня иногда из темницы вызволяет, да за хлебушком бегаёт.

– Всё никак не отвыкнешь от быстрой езды? – приподняла бровь Галина Кирилловна.

– Грешна, люблю с ветерком да улюлюканьем промчатся. Ладно, дело сейчас не во мне. Если Игорек говорит, что Толик вечером где-то на празднике будет, то надобно одеть деточек, чтобы подошали своим видом остальным гостям, да отдыхающим.

Игорек подскочил так, что тарелка опрокинулась, и кот обрел третью котлету. Счастью лохматого не было предела.

– Не, я на такой развод не подписывался. Пусть одна чешет, а я рядом где-нибудь потрусь. Он не хочет со мной идти?

Вот же вредина!

Да я сама не пальцем деланная!

– Я тоже с ним не хочу идти. В самом деле, давайте я пойду одна? Дадите мне какой-нибудь порошок, и я околдую Анатолия, – я поддержала возглас Игоря.

Галина Кирилловна хмыкнула и покачала головой. Она вышла из-за стола и приблизилась к платяному шкафу в соседней комнате:

– Ты сможешь говорить нормально, только если он будет рядом. А сейчас хватит пререкаться, ты поедешь домой, а вот завтра отправишься на эту, самую... вечеруху. Игорь отвези её. Не смотри так – из-за тебя мы стараемся исправить оплошность. И побудешь возле её дома, чтобы она смогла нормально объясниться с родными. А завтра мы соберем вас на праздник. Вот как раз и платье к случаю подойдет.

Галина Кирилловна извлекла на свет произведение портного искусства. Я почувствовала, что волосы встали дыбом, будто схватилась за металлические шарики электроскопа. Похоже, что бал будет тот ещё...

Глава 5

«– Где ты вчера ночью была?
– По району гуляла.
– Он же неблагополучный!
– Ещё какой благополучный!
Смотри – два айфона и цепура.»
Народное творчество

– Почему ты не отвечала на звонки? – нахмурился сидящий в кресле отец, когда я показала на пороге квартиры.

Я озадаченно полезла в сумочку и ахнула – на табло было около восьмидесяти пропущенных вызовов. Причем не только от отца и подруг, но также и от заведующей отделением.

Похоже, что в полицейском отделении телефон поставили на беззвучный режим. Ух, гады какие, надо было пнуть дежурного, пока он красовался статуей посреди помещения.

Или это сказывается проклятье? Скорее всего это именно второй вариант.

– Па-а-а, я телефон нечаянно поставила на беззвучный. Прости, пожалуйста, если сильно волновался. Со мной всё в порядке, я у Тани была, – я попыталась сделать глаза кота в сапогах из мультфильма «Шрек».

– Я звонил Тане, она сказала, что не видела тебя со вчерашнего дня. И на экзамен ты не пришла. Позволь поинтересоваться – где ты была весь день?

Ой, как стыдно... Я вспомнила, когда в последний раз ощущала себя такой виноватой. В шесть лет я нечаянно разбила вазу и сказала, что это сделала кошка Муся. Отец тогда посмотрел на меня тем же укоризненным взглядом, которым смотрит сейчас. И точно также у эркера стояло синее кресло, и точно также лежал на полу турецкий красно-желтый ковер, а возле тумбочки телевизора вылизывалась кошка Муся.

Сестры с мачехой умчались на фитнес, поэтому дозу подколок и оскорблений я получу только вечером, а вот отцу отвечать нужно прямо сейчас. Хорошо ещё, что возле подъезда остался сидеть Игорек, и можно нормально всё объяснить...

Нормально?

Объяснить нормально, что меня прокляли и теперь я должна буду получить от Анатолия Костюмова поцелуй любви, чтобы проклятия потеряли силу? И где я буду вместо Кипра? В сумасшедшем доме, рядом с веселыми обитателями? Нет, это не очень хорошая мысль. Пожалуй, случай с волшебниками стоит опустить.

– Пап, я честно пошла на экзамен. Почти дошла, когда стала свидетельницей преступления. Молодой человек обокрал майора ГИБДД, а меня взяли для дачи показаний. Ты же знаешь, как долго в полиции мусолят. Папочка, я не хотела тебя волновать. Честно-честно.

Так себе оправдание, но в этот момент оно казалось мне единственно верным. Вроде бы и не соврала, а вроде и не всю правду сказала.

Папа покачал головой. Его седая грива начала особенно отчетливо белеть с того момента, как он вышел из ЗАГСа под ручку с Ларисой Михайловной. Похоже, что его новая жена из породы энергетических вампиров, которые высасывают жертву досуха и бросают сморщенную оболочку. Я и в самом деле помнила своего отца живым и веселым здоровяком в расцвете лет, а не таким постаревшим и обрюзгшим.

– Олеся, могла бы и позвонить... Значит, говоришь, майора ГИБДД обокрали? – как и каждый автовладелец, папа недолюбливал людей с жезлами и свистками. – А много украли?

– Сорок пять тысяч, – я ляпнула первое, что пришло в голову.

– Хм, немаленькая сумма. Но майор вряд ли огорчился. Он себе «волшебной палочкой» ещё наштампует. А как с экзаменом? Что будешь делать?

А что можно сделать в техникуме, где ребятам ставят зачет только за то, что они пришли на экзамен?

– Пап, завтра позвоню заведующей отделением и объясню ситуацию. Думаю, что она пойдет мне на встречу.

– Хорошо, милая. Ужинать будешь? Я могу картошки пожарить.

– Сиди, пап, я сейчас сама всё сделаю, – я улыбнулась и передала в руки отца пульт от телевизора.

Если бы можно было рассказать отцу, что он напрасно женился на мачехе, которая вовсе не умела готовить... Да что там готовить – она и убираться-то всегда заставляла меня. Если бы можно было выгнать вредную троицу из дома, то мы зажили бы с отцом весело и счастливо.

Но Сергей Васильевич почему-то придерживался того мнения, что дочери нужна мать, и терпел редкие заскоки своей благоверной. При нем Лариса Михайловна не так третировала падчерицу и нечасто показывала свою гнилую сущность.

Так думала я, пока чистила картошку, резала овощи для салата и заваривала чай. Скоро должны вернуться «фитнес-няшки» и нужно успеть к их приходу, чтобы не нарваться на лишние полчаса бурчания.

Я иногда поглядывала в окно, где возле подъезда сидел Игорь и ковырялся в телефоне. Он ждал сообщения для отправки домой.

По дороге от дома Грюзельдины машины такси ломались три раза. Причем автомобили с пашечками каждый раз вставали по одинаковой причине – они просто глохли. Водители выходили, копались под капотом, но в итоге разводили руками и отдавали часть денег за проезд. Третья машина встала всего в полукилometре от дома, поэтому я решила пройти пешком. Хмурый Игорь составлял компанию.

Старушки же решили отметить примирение, и я видела, как Грюзельдина украдкой достала бутылочку с темно-вишневой жидкостью. В тот момент я ещё успела подумать, что не только несчастья приношу, но и доставила этим двум родственным душам радость примирения.

Ну да, если не ситуация с проклятиями, то неизвестно – сколько ещё времени старушки обижались бы друг на друга. Так порой даже родственным душам тяжело сделать шаг навстречу, а что говорить о двоюродных сестрах.

Игорь не бурчал. Он вообще старался помалкивать, никак не привыкнув к приобретенному свойству речи. На мои вопросы лишь неопределенно мычал, либо качал головой. Зато на него заглядывались идущие навстречу молодые девушки и даже несколько взрослых мамочек стрельнули глазками в золотоволосого парня с голубыми глазами. У меня почему-то сам собой приподнялся подбородок, когда заметила завистливые взгляды.

Ну и что, что мы первый день знакомы? Зато пройти рядом с видным парнем всегда льстит девушке. Пусть я даже и не показывала вида. А теперь Игорь сидит внизу и ждет сообщения «на отбой». Закатное солнце мягко касается золотистых вихров, которым бы не помешало лечь под расческу. Я даже хотела предложить причесать его, но сдержалась.

Летние сумерки мягко скользили по веткам деревьев и вскоре мимо сидящего Игоря прошли три расфуфыренные пампушки. Жирными женщин назвать было нельзя, но вот полненькими – вполне. Фитнес мало помогал любительницам плюшек и печенюшек. Вот и сейчас, не успеют войти, как сразу липнут к холодильнику – «чтобы мышцы получили топливо для роста».

– Олеська, а что мы сегодня делали... Тебе даже и не снилось, ведь у тебя всего лишь примитивные сны о косичках и подбрityх висках. А мы выиграли два билета на вечеринку в «Icon»!!! И завтра уйдем в отрыв. Уи-и-и!!! – выпалила Людмила и запрыгала от счастья.

Её темные волосы с розовыми перьями подпрыгивали в такт. Выпуклые глаза плотвы прожигали меня насквозь, старались выдавить слезу. Полненькая и широколицая, Люда никогда не пользовалась успехом у сверстников, но вместо того, чтобы приложить усилия в спортзале, она нашла ту, которая виновата в её несчастиях. Увы, в этом случае мне не повезло ещё до проклятия.

Светочка схватила со стола кружок колбасы и присоединилась к прыжкам. Я начала опасаться, что если названные сестры ещё немного попрыгают, то мы все вместе окажемся у соседей внизу на кухне. По всей видимости, Людмила и Светлана устали на тренировке, так как их радостных изъятий хватило всего на пять подскоков.

– А ты будешь дома сидеть, а нас через «Рутуб» посмотришь. Всё-таки розыгрыши через соцсети иногда помогают, – высунула язык Светочка.

На кончике розового языка поблескивал кусочек колбаски. Я успела пожалеть, что не посыпала этот кружок жгучим перцем, тогда бы сестренка ощутила ту остроту и горечь, которую я сейчас испытывала. Мы с Игорем так и не придумали способ проникновения на эту вечеринку, а двум неумехам так повезло.

Так не бывает, чтобы мы туда хотели попасть, а повезло другим...

Светочка, как и сестра, имела выпученные глаза, и они всегда светились, когда видели еду в непосредственной близости. Светлые волосы с зелеными перьями как нельзя плохо смотрелись в сочетании с круглым лицом и ярко-красными губами, но она думала, что раз это модно, то и для неё годно. Я всегда молчала по поводу сестринского вида: нравится им ходить клоунессами – пусть ходят.

Но сейчас у этих двух толстушек имелись входные билеты, и, как назло, именно туда, куда нужно было попасть мне.

– Сестренки, милые, подарите, пожалуйста, мне один билетик? Там будет Анатолий Костюмов, а мне так нужно с ним увидеться... – невольно вырвалось у меня.

– Ага, нашла дурочек. Мы туда тоже не просто так идем. Вдруг нам повезет, и мы попадем к Анатолию моделями на мастер-класс? А как только окажемся в двух метрах от него, то тут в ход пойдут наши женские чары, – при этих словах Людмила провела рукой по пухленькому боку. – Уж мы сумеем его очаровать, не то что столичные фифы, которые ни фи́га не умеют, кроме как кататься на дорогих машинах и фоткаться на селфи.

– Сестры, я сделаю для вас всё, что попросите. Хотите – сдам свой билет на Кипр и отдам вам все деньги? Или подарю всю косметику? Или... Я не знаю, что ещё могу сделать.

– Зачем нам твои деньги? Входной билет на вечеринку с Анатолием ни за какие деньги не купишь – его можно только получить в дар или выиграть. Там будет весь цвет Москвы, куча контактов и нужных знакомств. Неужели ты думаешь, что всё это может заменить какая-то косметичка? – улыбнулась Светлана

– Ну, пожалуйста...

– Нет, мы выиграли, мы и пойдем. А ты будешь дома сидеть и слюной захлебываться, – хихикнула Людмила.

Вот всегда так: умным и красивым не везет, а на других словно Фортуна верхом катается. Я сжала нож, которым резала сыр. Потом выдохнула.

Пока сестры перекидывались восторженными репликами, искоса наблюдая за моей реакцией, та взяла телефон и скинула Игорю сообщение.

Пусть парень идет домой.

Пускай.

Хуже не будет, а я сейчас всё выскажу этим двум...

Телефон в моих руках завибрировал в музыкальном припадке. Звонил Игорь.

– Да? – сказала я немного раздраженно.

– Слышь, красотуля, всё в порядке? Я могу сваливать? – раздался ленивый голос Игоря.

– Да, завтра увидимся.

Сестры притихли. Казалось, что их уши превратились в локаторы, и они настроились на волны мобильного телефона. Если бы смогли, то заглянули в мою голову и увидели того паренька, чей баритон доносился из динамика. Но это невозможно, и разочарование отразилось на лицах с такой силой, что я невольно улыбнулась.

– Подавай на стол, а то мы проголодались, – хмыкнула Людмила и вышла из кухни.

– И побыстрее, – в тон сестре сказала Светлана.

Если вдруг какому-нибудь абстрактному человеку захотелось увидеть неприязнь в крайнем её проявлении, то он со стопроцентной уверенностью мог обнаружить её в моих глазах.

Мне хотелось ругаться, материться, упасть на пол и вволю постучать пятками и кулаками по плиткам. Я пока что сдерживала себя, но руки ощутимо подрагивали.

Возможно, сегодня случилось слишком много всего необычного и непонятного, а может, просто переполнилась чаша терпения. Из-за всего этого упавшая в тарелку супа солонка осталась незамеченной, так как я думала о том, как заполнить вождеденные билеты.

Я отнесла солёное, как слеза жалости к самому себе, произведение в гостиную и вернулась за тарелками. Когда я вновь появилась в комнате, за столом уже сидела Лариса Михайловна.

Если можно где-нибудь увидеть гусеницу-мутанта, то её обязательно назвали бы именем моей мачехи. Да, именно с гусеницей она имела наибольшее сходство. Тело затянато в яркие розовые лосины, а сверху потрескивал топик с веселенькими кошачьими мордочками.

Подобная одежда симпатично смотрелась бы на юных старшеклассницах и студентках, а на матроне выглядело, по меньшей мере вызывающе, а по большей – вульгарно. За натянутой тканью лосин виднелась «апельсиновая корка» целлюлита, а валики жира под топиком как раз и создавали ощущение сходства с гусеницей.

– Ты долго ходишь, девочка моя, – таким голосом можно в фильмах озвучивать скрежет гвоздя по стеклу.

Выпученные глаза взирали с «мачехинской» любовью из-под кудряшек химической завивки. Нос картошкой нависал над узкими губами, которые расплывались в улыбке только тогда, когда Лариса Михайловна видела чужие страдания и унижения.

– Я только что приготовила, – ответила я. – Если бы сестры мне помогли, то я сделала всё быстрее.

Ага, с губ срывается нормальная речь, значит, Игорь ушел недалеко.

Лариса Михайловна широко зевнула и потянулась. Бедный топик едва вынес такое издевательство над собой, хотя и начал потрескивать гораздо сильнее.

– Твои сестры сегодня сделали много хорошего, устали и им нужно отдохнуть. Я понимаю, что ты весь день тоже была занята, но шатания по городу вряд ли могут быть такими уж утомительными. Так что...

– Она была в отделении полиции, – вставил слово папа.

– Знаю. Что же, я не удивлена. Судя по её поведению, она просто не могла не оказаться там. Серёжа, также я знаю, что ты её очень любишь и закрываешь глаза на многое, но всё же...

– Чо ты гонишь, корова галимая? Батя не лох, так что нечего перед ним лезгинку исполнять, – вырвалась у меня просьба к мачехе не обманывать отца.

Возглас вырвался неожиданно, и папа уронил половник обратно в кастрюлю. Единственным плюсом резкого падения послужил выплеск жирной жидкости на присутствующих. Мачеха и сестры ещё не успели переодеться и теперь с ужасом смотрели, как по дорогой одежде расплываются пятна, которые грозили полностью испортить вещи.

– Солью сыпаните слегонца, да не ссыте, отстирается, – растерянно вымолвила я.

– Ты... Ты... Да ты... – опытная скандалистка набирала в грудь воздуха и сейчас на должен должен вылиться водопад гнева, едва ли не меньший, чем Ниагарский.

– Тыкни собачку в срачку, чухня нефильТРованная. Давно хотелось с вами побазарить, да всё никак кураж словить не могла. Теперь держи ответку за делюги беспонтовые, да за этих хомячков на всю голову о...бошенных. Сидеть, курвы жирные, а то живо каждой пачку вскрою, – прикрикнула я на сестер.

Обе сели и сделали глаза по юбилейному рублю. Если и были какие слова возражений, то они застыли возле основания языка и неприятно щекотали горло. Отец смотрел на свою тихую дочку так, словно наблюдал за вылезавшим из раковины Лох-несским чудовищем.

Быстрее всех оправилась мачеха. Об её улыбку можно порезаться, а в глазах застыл весь лед Арктики. Она и не с такими справлялась в девяностые, когда рэкетеры приходили с попытками обрести власть над «беззащитным» НИИ. О том, где сейчас те бандиты, можно было только догадываться...

И Лариса Михайловна на все сто процентов была уверена, что ещё не потеряла хватку.

– Дочка, вот ты и показала свою настоящую сущность. Неужели мы с отцом заслужили эти речи? А бедные сестры, которые хотели тебе помочь и вывести в свет? Неужели они тоже достойны твоих оскорблений?

Где-то далеко в уголке моего кипящего разума пролетел отблеск мысли, что всё это неспроста.

Но что такое мимолетный всполох перед огромным и бурлящим пламенем гнева?

Вы никогда такой не ощущали?

Когда на всё наплевать с высокой колокольни и дурные слова сами выскакивают, как вода из трещин старой плотины. Когда перед глазами пляшет марево и неважно, что будет дальше. Важно выплеснуть накопившееся...

Здесь и сейчас...

Ведь хуже-то уже не будет.

Вот такое марево опустилось и на мои глаза. Все накопленные обиды, все слезы в подушку, все стискивания зубов вырвались бушующим тайфуном.

Я с пеной изо рта кричала о том, что «старая кобыла запарила своими загонами», критиковала «тупорылых овец» за «ушлепанский видон», вменяла отцу, что тот «как лошара голимый ведется на беспонтовую туфту».

Моей пламенной речи хватило на десять минут. Мачеха только улыбалась. Сестры понемногу приходили в себя. Отец судорожно капал валерьянку в стакан с водой, на его виске беспокойно пульсировала синяя вена.

Мне же хотелось схватить себя за колени и остановить их дрожь, но руки тоже трепетали, как листья клена на ветру. Я выплеснула из себя все эмоции и чувствовала себя наволочкой, которую выстирали и вывесили сушиться на улицу. Такой опустошенности я не чувствовала с тех пор, как на школьном выпускном вечере слегка перебрала с шампанским.

– Вот, Серёжа, а ты мне не верил. Говорил, что я обманываю. Теперь видишь сам, насколько испорчена твоя дочь, – нежным голосом святой великомученицы проговорила Лариса Михайловна.

– Но, Лора...

– Что Лора? Я уже сорок два года Лора и что? Я говорю тебе одно, а ты слышишь другое и вообще не хочешь меня понимать? Если ты свою дочь не отведешь к психотерапевту, то это придется сделать мне. И не факт, что мы вернемся вместе! Её агрессия превзошла все допустимые нормы... А если я завтра проснусь с ножом в боку?

– Перестань, Лора, – папа приложил ладонь к пульсирующей вене.

– А ты, Олеся, ты так и не сдала экзамен! – сморщилась мачеха, когда повернула красное лицо ко мне.

– Я у мусоров была. Меня по беспределу приняли...

– Она была в изоляторе, потому что её посчитали сообщницей преступления. Мне звонил Ковырялин, недаром же учились вместе. А потом совершила побег с заядлой преступницей и её поделником. Что ты на это скажешь? Следователь всё видел из окна!

– Да я... Да чо ты гонишь?

Увы, в этом раунде победила мачеха. Я уже понимала, что дальнейшие ругательства приведут только к худшим последствиям, но не могла остановиться.

– Вы запарили своей простотой. То это вам не по кайфу, то там не так замастрячено. Я как ссанный веник летаю с утра и до вечера, а вы...

– А что мы? – ласково спросила мачеха. – Неужели мы ничегошеньки не делаем?

Если бы она спросила просто так, поинтересовалась бы и всё, то я, возможно, и смогла бы сдержаться. Но вот открытая фальшь в голосе настолько взвинтила, что я уже не чувствовала себя пустой наволочкой. Скорее, меня можно было назвать перекачанной воздушной подушкой, которая вот-вот должна взорваться.

– Вы ни хрена не делаете! Всю житуху мне зарубили на корню, а теперь скалитесь. Чо, влом отстегнуть проходнушку на вечеруху? Зажали? Да вы всю дорогу жмете. Нам с батей из ништяков только обломы остаются, а вы такие ряхи наели, что в двери только боком щемиться можете. Да без вас мы бы в полном шоколаде жили.

– Хватит! – папа хлопнул ладонью по столу.

Он одним глотком выпил смесь воды с валерьянкой и поставил стакан на стол. Дрожащая рука подвела, и стеклянная емкость упала на скатерть, расплескав капли. Папа медленно выдохнул и поставил стакан как надо.

– Хватит так разговаривать, Олеся. Сейчас же извинись перед матерью и сестрами!

Я оглядела притихших сестер и улыбающуюся мачеху. Почему так бывает, что виноваты другие, а извиняться приходится тебе? Это же неправильно!

– Нет, папа, – с твердостью в голосе ответила я. – Я не буду извиняться. С их стороны было так много унижений и оскорблений, что ещё чуть-чуть и церковь меня канонизирует, как великомученицу.

Я с удивлением услышала свою речь. Я заговорила нормальным языком? Игорь вернулся?

Мачеха с видом оскорбленной добродетели взяла салфетку и попыталась вытереть пятна от супа. Увы, жирные потемнения ни в какую не хотели пропускать дальнейшего развития скандала. Лариса Михайловна отложила салфетку прочь и взяла половник.

Я чувствовала, как пальцы подрагивают, а колени ходят ходуном – адреналин начал отпускать из своих веселых и злых объятий. В комнате воцарилась тишина, лишь билась муха об оконное стекло. Мухе наплевать на крики людей – не бегают за ней с мухобойкой и ладно. Сестры сидели так тихо, что их можно было принять за статуи из полицейского отдела.

– Хм, интересный суп. Первый раз вижу, чтобы солили не щепоткой, а бросали целую солонку, – Лариса Михайловна извлекла на свет посторонний для супа предмет.

Конечно, данное происшествие можно списать на желание солонки увидеть мир дальше кухни, из которой давно никуда не выезжала, но вряд ли такое оправдание подойдет для испорченного супа.

Да, я помнила, что если подержать в пересоленном вареве пакетик с рисом, то соль может впитаться в белый абсорбент, но не хотела этим заниматься. Никакого желания не было.

– Я не виновата.

Адреналин уходил прочь, а вместе с ним исчезала уверенность и та ярость, которая недавно подвигла меня на пламенную речь.

– Она специально бросила, мы видели, – едва ли не в один голос сказали сестры.

Они увидели прежнюю сестренку, а не ту яростную фурию, какая кричала здесь три минуты назад. Ту яростную фурию они боялись, а вот прежнюю забитую Олесю...

Оправдываться не было смысла. Тем более после того, что я высказала, каждое её слово должно восприниматься оправданием.

Я просто стояла и смотрела, как мачеха отложила солонку в сторону. Крупная женщина потянулась за сумочкой и достала оттуда синий прямоугольник с разноцветной надписью «ICON». Медленно и демонстративно она разорвала билет на мелкие кусочки. На удивление – сестры не ахнули и не закричали. Они молча смотрели на мать.

– Твои сестренки выиграли четыре билета. Мы искренне хотели взять тебя с собой, всё-таки тебе было бы интересно общение со стилистами и парикмахерами. Но ты своим поведением показала, что недостойна такого. Я думаю, что это всем нам послужит уроком. Серёжа, поверь мне, так надо! – чуть повысила голос Лариса Михайловна, когда отец открыл рот.

Папа только вздохнул и виновато посмотрел на меня. Нервы у меня никогда не были железными, а сегодня ещё столько всего случилось... Я закрыла лицо руками и бросилась прочь из гостиной.

– Серёжа, ей нужно успокоиться и побыть одной, – резанул в спину мачехин голос.

Я остановилась в коридоре, когда раздался звонок. Кто там ещё?

Я кинулась к входной двери. На лестничной площадке почесывал затылок Игорь.

– Кто там? – раздался голос отца.

– Папа, я пойду с собакой погуляю! – я ляпнула первое, что пришло в голову.

– Но у нас же нет собаки.

– Да плевать, я какую-нибудь найду и с ней погуляю, – ответила я и закрыла дверь.

После всего этого я уткнулась лицом в куртку Игоря, и дала волю чувствам. Мои плечи начали мелко сотрясаться. Игорек неумело попытался погладить по голове.

Через две минуты у меня получилось взять себя в руки, и я подняла на рыжеволосого парня мокрые глаза.

– Как ты здесь очутился? Ты же должен быть дома.

– Чо-то щемануло в груди. Приглючилось, что тебе хреновато, вот и решил подскокнуть, – пожал плечами Игорь.

Глава 6

«Так даже лучше, когда люди считают магию всего лишь выдумкой.

Мы можем более свободно действовать»

Дмитрий Блейк

Наташка выручила, как всегда. Да, бывало, что и она ночевала у меня, но в этот день пришла её очередь принимать зареванную гостью.

Худенькая, как ствол бамбука и такая же высокая, Наталья всегда красилась ярко и вызывающе. Вампирские губы, линзы змеи, волосы в дредах до середины спины. Ей нравилось шокировать прохожих и слышать за спиной недовольный шепот. А если шепот переходил в полный голос, то поворачивалась, высовывала проколотый язык и демонстрировала маникюр яркого цвета на средних пальцах.

Самое главное у Наташки была съёмная квартира, где она могла приютить на пару ночей. Я даже думала и вовсе к ней переехать, но финансово пока ещё зависела от отца.

Однако, хотя Наташка и красилась вызывающе, но была не из тех девчонок, кому свобода ударяла в голову, и они пускались в дикий загул. К женщине-арендодательнице не поступало жалоб даже от тех старушек, которые являются умом, честью и совестью любой эпохи и всегда занимают наблюдательные посты возле подъездов.

– Давай, подруг, заползай. А что это за кекс с тобой? – Наталья окинула Игоря заинтересованным взглядом.

В тот момент я и сама себе не могла ответить на вопрос – почему мне не понравился взгляд подруги? Ведь я же не испытывала никакой симпатии к этому парню, из-за которого начались все неприятности...

Или испытывала?

Видимо, это был тот самый укол ревности, какой испытывает человек, когда видит, как другу оказывается внимания гораздо больше, чем ему самому.

Да, мы ещё пару раз пытались доехать на такси до подруги, но после обязательных поломок плюнули и пошли пешком, по пути заскочив в магазин. Игорь тогда предположил, что если бы мы продолжили попытки доехать, то обездвигили весь балашихинский таксопарк.

– Я не кекс, а черствый бублик. Игорь Фара, – кивнул рыжеволосый парень. – А как зовут такую прикольную чихсу?

– Натаха, – уголками губ улыбнулась подруга. – Заваливайтесь и будьте как дома, но не забывайте, что в гостях. Что случилось?

Игорь с пакетом сразу же прошел на кухню однокомнатной квартиры и загремел там сковородками. Я же уложилась в рассказе за пять минут, и в это время с кухни потянулся приятный запах яичницы с колбасой.

Да, я опустила волшебную составляющую рассказа и постаралась скрыть истинную причину желания проникнуть в клуб. Особенно не пришлось придумывать – Наталья и сама мечтала увидеть Костюмова, поэтому даже ойкнула и схватилась за сердце, когда я рассказала о порванном билете.

– Ну, ты и крутышка. Я-то думала, что у тебя никогда духа не хватит всё им высказать, а ты вон как. Молодчинка, я тобой горжусь! А что у тебя с этим «бубликом»? Романтик или за ручку держитесь? – Наталья кивнула в сторону кухни, откуда послышались напевы известной песни «Хоп, мусорок».

– Он мне помогает в деле с Костюмовым. Хотя, сейчас вряд ли это удастся, – я горестно вздохнула.

Наталья поднялась с кровати, запахнула плотнее халатик и выглянула на кухню:

– Эй, молодой и красивый, с кухни так вкусно тянет, что мы едва слюной не захлебываемся. Скажи, скоро будет готово?

– Ещё децл нужно подождать. Минут пять потрещите, и будет всё в ажуре, – раздался голос Игоря.

Наталья удовлетворенно кивнула и вернулась ко мне. Я едва успела убрать недовольную мину – мне почему-то снова не понравился заигрывающий тон Натальи.

Подруга подмигнула и заговорщицким шепотом сказала:

– Не волнуйся о вечеринке, подруг. Есть у меня там знакомый охранник, он протащит нас. Да, придется сходить с ним на пару свиданок, но что не сделаешь ради друзей. Цени и помни мою доброту.

Удар пыльным мешком по моему затылку вряд ли вызвал такое удивление, как это сделал шепот Натальи.

Так просто?

Безо всяких разных билетов и лишних проблем?

Просто подошли к охраннику и тот просто их пустил?

Нет, такого не может быть? Или проклятие неудач слегка отступило?

– Да-да, не пялся так. Я вполне серьезно говорю. Я так уже на вечеринку Баскова попадала, даже шупала микрофон певца. Чего глаза округляешь? Я о том микрофоне говорю, в который певцы поют.

Звонок телефона раздался так неожиданно, что я вздрогнула. Я в своих мечтаниях уже была возле Анатолия Костюмова и выпивала эликсир счастья, чтобы он влюбился и поцеловал. На экране телефона высветилась фотография отца.

Беспокоится?

– Да, папа.

– Дочка, ты это... Ты где? – раздался неуверенный голос отца.

– Я у Наташи. Можно, я у неё переночую? – я спросила сразу в лоб, чтобы не тянуть кота за хвост.

Наталья вопросительно подняла брови. Я сложила руки на груди, как это делали последователи буддизма, и жалостливо посмотрела на подругу. Та кивнула.

– Передай телефон Наташе, – попросил отец.

– Здравсте, Сергей Васильевич, – прошебетала подруга. – Да, Олеся у меня останется. Ой, да ничего страшного – у нас половина группы не пришла и им назначена пересдача через неделю. Так что отсутствие Олеси даже и не заметили. Не беспокойтесь, мы девочки взрослые, ночью выходить никуда не будем, а вина у меня нет. Всё будет хорошо, до свидания. Передаю трубочку.

– Олеся, ты это... извини меня, что не вмешался. Если хочешь, то возвращайся домой. Лора уже успокоилась.

– Да нет, пап, я переночую у Наташи, и прости меня за то, что сегодня наговорила. Я не хотела, просто нервы не выдержали.

Повисла небольшая пауза, потом отец крякнул и спросил:

– Скажи, а ты в самом деле сбежала из изолятора и была подельницей преступления?

– Пап, ничего подобного. Возникло недоразумение и... это долго объяснять. Я всё потом расскажу. Ты, главное, не волнуйся. Я тебя люблю.

– Я тоже люблю тебя, дочка. Аккуратнее там.

– Хорошо, я буду аккуратной. Пока-пока.

Телефон пискнул и отключился. Я выдохнула. Столько всего навалилось, что врать лишний раз не хотелось. Подруга только покачала головой.

В это время из кухни вышел Игорь, в левой руке он нес тарелку с порезанным хлебом, а в правой у него шкворчала сковорода. Ароматы наполнили небольшую комнатку Натальи.

Рыжеволосый парень поставил сковороду на подставку, которая торчала за поясом, и вытащил из кармана три вилки. Обвел нас глазами с таким видом, что, по меньшей мере, убил дракона и притащил его голову под стены замка.

Мы чутьочку восхитились подношением, даже чуть-чуть похлопали, тогда Игорь горестно вздохнул и протянул руку к яству:

– Пожрямкаем по-бырику, да я сдерну на хода.

– Вот это дело. Люблю, когда мужчины готовят, – улыбнулась Наталья и её халатик, словно живой, пополз вниз и обнажил плечико.

Я дернулась прикрыть плечо подруги, но та увернулась. В итоге моя рука скользнула по халату и стащила его ещё ниже.

Редко кто из девушек носит дома бюстгальтер, а Наталья и на улицу-то его надевала через раз. Всего две секунды на Игоря смотрела задорно приподнятая грудь, а потом я её запахнула. Вот же как неудобно получилось.

И похоже, что неудобно было только мне. Игорь оскалился, а Наталья хитро прищурилась.

– Олеся, аккуратнее нужно, а то так полностью меня разденешь, а мы с молодым человеком даже не целовались ни разу, – Наталья с удовольствием посмотрела, как мое лицо покраснело – можно ставить вместо запрещающего сигнала светофора.

– Прикольный видон. Правда сисяндры мелковаты, мне по кайфу большие... ну, или как у Олеськи. Слышь, жиганка, ты либо полностью шкурку скинь, либо запахнись и не порти жрачку, – Игорь запустил руку в огненную шевелюру. – Или вы на тройничок намеками буцкаете?

– Ну, ты и хам! – проворчала я. – Ни стыда, ни совести. А ведь Наталья придумала, как нам попасть в клуб на вечеринку. Извинись немедленно!

Игорь хмыкнул и сел за стол. Четыре зубца вилки вонзились в поджаренный бок кусочка колбасы, и через секунду молодой человек уже уминал творение своих рук. Всем видом он старался показать, что извинений ждать от него можно так же долго, как свиста пресловутого рака с верхушки Эльбруса.

– Да ладно, друг, я не в обиде. Обычно большие груди нравятся тем, у кого в трусах негусто, – сверкнула глазами Наталья и тоже присела к столу.

Игорь закашлялся.

Наталья спокойно протянула руку и похлопала его по спине. Маленький кусочек вылетел и поскакал по столу к открытым конспектам. Игорь успел перехватить его торопливый бег и положил с краю разделочной доски. Его лицо по цвету сравнялось с моим лицом. Скорее всего, это было от кашля, а не от смущения.

– У меня там густо... То есть у меня там не густо, а... Да вы ваще, у меня там всё в порядке, так что хавайте и базарьте – что за тема с проходом на вечеруху?

Я не стала сидеть в сторонке, дома ведь так и не успела поесть. Схватила вилку и начала соперничать с Игорем в поедании яичницы. Я предоставила Наталье возможность расписать всё в красках, а та не упустила случая покрасоваться.

– Есть у меня знакомый мужчина по имени Миша. Но не это главное, а то, что он работает на фейс-контроле в том самом клубе, куда вам нужно пройти. И ему нравятся мои «сисяндры», – Наталья с удовольствием посмотрела, как поморщился Игорь. – В общем, я договарюсь, и мы окажемся внутри. А вот познакомиться с Анатолием Костюмовым вы уж будете сами. Правда, друг, вот убей, но никак не пойму – на фигу тебе этот расфуфыренный павлин? Он же от женщин отворачивается, как блондинка от пергидроля.

Я отложила вилку. Рассказать подруге о волшебных приключениях или не стоит подвергать себя опасности быть обвиненной в сумасшествии? Наталья хоть и бывает порой взбалмошной, но в такие чудеса вряд ли поверит.

– Я проспорила на то, что Анатолий меня поцелует. Вот и нужно не проиграть спор, а то придется... придется голой пройти по Красной площади.

У Игоря во второй раз случился приступ кашля. Наталья уже привычным движением похлопала его по спине. Потом с интересом посмотрела на меня.

– Подруг, ты меня удивляешь. Я тебя всегда скромнягой считала, а ты на такие подвиги подписываешься. С кем это ты так?

– Со мной она зарубилась, – ответил Игорь. – Если у неё всё будет в ажуре, то голяком пошкандыбаю я.

– Хотела бы я на это посмотреть, – улыбнулась Наталья и подмигнула с таким видом, словно уже раздела Игоря и теперь подгоняет его прутиком по направлению к мавзолею.

И мне снова не понравился её взгляд!

Вот что-то такое поцарапало изнутри, и я скривилась. Надеюсь, что Наташка этого не увидела.

Я потянулась за хлебом, но задела вилку, и та упала на пол. В последний миг успела отдернуть ногу, и металлический предмет не впился в ступню. Но не успела я порадоваться этому факту, пока тянулась за вилкой, как почувствовала, что задела рукоять сковороды...

Ой блин, как больно!

Чугунная поверхность уже успела остыть, но всё равно – получить по затылку и принять на волосы остатки яичницы очень неприятно. Я аккуратно поднялась обратно.

– Прикольный кепарик, – флегматично заметил Игорь и стер хлебным мякишем с моей щеки прилипший кусочек яичницы. Отправил в рот и смачно зачавкал. – Но вроде уже не моднявый. Беспонтово ты нарядилась, клюшка.

И ведь весь из себя такой крутой!

Хам!

Я сдернула с головы сковородку и замахнулась на рыжеволосого. Тот испуганно закрылся руками, но всё-таки успел сунуть в рот ещё кусок хлеба и снова зачавкал.

Нарочито громко.

Я редко била людей, но в этот момент была готова это исправить.

Наталья отобрала у меня сковородку и потащила в ванную.

– Чего ты так на него? Он вроде бы милаха. Или ты с ним замутить думаешь? – Наталья выбирала из моих волос крошки и желтенькие кусочки.

– Да всё из-за него, – вырвалось у меня. – Если бы не он, то ничего бы не случилось. И я сдала бы сегодня этот экзамен. И не разругалась со своими. И удача от меня не отвернулась. И вообще...

Накатила такая горечь... Да ещё и дома скандал...

И всё так плохо...

Я присела на край белой ванны и закрыла лицо руками. Слезы сами собой покатались из глаз. Наталья примостилась рядом и начала поглаживать по голове.

– Ну чего ты? Успокойся. Я сразу поняла, что ты меня обманываешь. И про спор всё выдумала. Расскажешь, что было на самом деле?

На сей раз, я уложилась в десять минут. Наталья делала большие глаза, восхищенно вздыхала и даже пыталась присвистнуть, успешно оплевав мне ухо. В конце речи она покачала головой и подергала полотенце за распушенный кончик.

– Круто. Значит, это рыжик тоже волшебник? Слушай, у меня ни разу не было секса с волшебниками.

Почему я сжала край раковины так, что побелели суставчики?

Скорее всего от жалости к яичнице, которая ещё не полностью выбрана из волос. Это вышедшее из-под рук Игоря творение кулинарного искусства ещё могло радовать вкусовые сосочки, а не сливаться в горловину старой ванны.

Да, именно из-за жалости к утраченному шедевру, а вовсе не из-за досады со слов подруги. В конце-то концов – кто он мне? Всего лишь причина многих неприятностей. Как только проклятия окажутся снятыми – мы разбежимся в разные стороны и вряд ли поздороваемся при встрече.

И вовсе я ничего не испытывала к этому странному парню, который сейчас включил телевизор и по-блатному общался с Хрюшей и Каркушей.

– Забирай его себе, – фыркнула я.

– Да я бы забрала, но ты обидишься. Давай лучше голову помоем? Всё и вымоется, а то надоело по крошечке выбирать.

Я кивнула, и вскоре легкие прикосновения подруги к волосам начали снимать стресс, накопленный за день.

Вы никогда не ощущали, что после посещения парикмахерской становится легче дышать и настроение улучшается?

Это некоторые мастера нажимают на определенные точки, и вы получаете заряд удовольствия. Искусством акупунктуры немного занималась и Наталья, только вместо иголок она использовала острые коготки.

И это было реально классно...

– Вот и всё, теперь твоя голова чистая и готова к приему новых впечатлений. Ещё скородку нажарить? – хихикнула Наталья.

– Нет, спасибо! И так сыта по горло. Да что по горло – по самую макушку. Ладно, пойдем нашего волшебника выгоним, а то дико спать хочется, – у меня вырвалась зевота.

Каждый знает, что зевание заразно. Если рядом с вами зеваает человек, то и вы невольно будете позевывать. Ведь ничего лучше нет, чем раскрыть рот как можно шире, вдохнуть полной грудью воздух и почувствовать, как легчайшие мурашки расслабления бегут табуном и заполняют тело. Наталья не выдержала и зевнула тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.